

ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

(Отрывки изъ стараго дневника).

I. По забытому тракту.

Въ настоящее время рѣшено строить желѣзную дорогу отъ Ташкента на Оренбургъ. Скоро двѣ блестящія полоски рельсовъ лягутъ на могучую ширь средне-азіатской равнины, и быстро двигающійся въ вагонѣ полусонный путникъ, жалуясь на медленность движенія и слишкомъ большія остановки на станціяхъ и проч., будетъ какъ то безслѣдно для себя, безъ впечатлѣній, не живя душой и не вдыхая полной грудью животворнаго могучаго воздушнаго простора пустыни, проѣзжать около 2,000 верстъ, съ ужасомъ рассказывая затѣмъ о скучнѣйшей, унылой, тоску нагоняющей мѣстности, которую онъ созерцалъ изъ окна вагона.

А было время, и старый оренбургскій трактъ жилъ своею жизнью, и жизнью крайне своеобразной. Времени на проѣздъ, смотря по мѣсяцу года, погодѣ и количеству проѣзжающихъ, казенной или простой подорожной, и проч., требовалось отъ 10—15—20 и болѣе дней, а такой періодъ жизни въ тарантасѣ, конечно не можетъ пройти безслѣдно, въ однообразномъ будничномъ теченіи обыкновеннаго нашего существованія.

Оренбургскій трактъ началъ предаваться забвенію со времени проведенія до Самарканда Закаспійской желѣзной дороги, но лично мнѣ, въ 1886 и 1887 гг., не разъ пришлось проѣхать его. Пусть эти нескладныя строки маленькаго согрѣтаго солнцемъ дневника, напомнятъ товарищамъ по пути эту безконечную равнину, которую

приходилось созерцать нѣлыми сутками. Эти переливы свѣта и тѣней, этотъ воздушный голубой просторъ, загоравшійся ночью мириадами какихъ то особенно яркихъ звѣздъ, и дышать въ которомъ казалось не хватить силъ легкихъ. И зимній бурашъ, и лѣтній зной, когда жгучіе лучи казались насъвозъ прожигали поднятый верхъ тарантаса, и длинныя вереницы верблюжьихъ каравановъ, на которыхъ съ размаху налетаетъ ваша тройка, и неуклюже жмутся и сторопятся бѣдные животныя, провожая васъ долгимъ задумчивымъ взглядомъ, какъ бы недоумѣвая, куда это мчитя такъ человекъ по этой пустынѣ, которой вѣдь нѣтъ на свѣтѣ конца! И желтую мутную Дарью, и 100 почтовыхъ стаций со старостами, ямщицкимъ гвалтомъ и съ традиціонно печищеннымъ, но драгоценнымъ въ пути самоваромъ. Забудутся, конечно, мелкія житейскія лишеныя и невзгоды длиннаго первобытнаго пути, но всегда останется въ памяти тотъ приливъ душевной бодрости и физическихъ силъ, съ которымъ пигмей человекъ пройдетъ какія угодно пустыни, къ сожалѣнію, только часто забывая помянуть Высшаго Творца, создавшаго все это безконечно-разнообразное великолѣпіе природы. Итакъ, «во имя Бога милостиваго и милосерднаго», какъ говорятъ мусульмане, приступая ко всякому дѣлу, въ путь по старому забытому тракту.

Оренбургъ, 10-го ноября 1886 г.

9-го ноября, въ 11 час. ночи, доѣхали мы до Оренбурга. Такъ какъ ночь темная, то съ вечера я ничего не разсмотрѣлъ, но минуть и въ темнотѣ замѣтилъ, и возблагодарилъ Аллаха за счастливое начинаніе нашего длиннаго пути. Хорошо спалось послѣ долгаго пребыванія въ вагонѣ; померъ въ Европейской гостинницѣ, гдѣ я остановился, очень чистый, на рѣдкость для губернскаго города.

Слѣдующій день былъ днемъ заботъ и хлопотъ по приготовленію къ дальнему пути, но все-таки намъ съ Г. удалось прокатиться на саняхъ по городу. Успѣли повидать и бухарцевъ въ гостинномъ дворѣ, съ ихъ важнымъ видомъ аристократовъ Средней Азіи; и казакскихъ татаръ-торгашей и, наконецъ, кочевниковъ-киргизовъ, въ ихъ мѣховыхъ малахаяхъ, на коняхъ и на верблюдахъ. Кабая смѣсь одеждъ, парфумій, состояній. На дворѣ морозитъ, и ѣздить на саняхъ, по улицамъ страшнае ухабы и частію лужи отъ вчерашней оттепели. Въ одномъ мѣстѣ, нашъ мальчишка-извозчикъ визжикъ не могъ повернуть свою упрямую лошадь, такъ что идущій на встрѣчу верблюдъ, чуть-чуть не вступилъ своей громадной закорузой позиціей намъ въ сани. Верблюдъ злобно посмотрѣлъ на насъ, и я думалъ, что не-

медленно оплюетъ онъ всю нашу гвардейскую форму, но обошлось благополучно. Бѣднымъ верблюдамъ теперь очень холодно и они ходятъ завернутыми въ разное тряпье. Чрезвычайно оригинальны киргизы въ своихъ зимнихъ малахаяхъ; тотъ же неизмѣнный видъ сохранили они можетъ быть нѣсколько столѣтій: сейчасъ видно, что это кочевникъ; сидитъ онъ какъ дома на своей лохматой, бодрой лошаденкѣ, и чувствуешь, что сотни, тысячи верстъ проѣдетъ онъ такъ по своей громадной, киргизской степи.

Общая паружность города мало обращаетъ на себя вниманія, въ особенности зимой, но нѣкоторыя мѣста имѣютъ видъ уже чисто восточный, таковы караванъ-сарай и гостинный дворъ. Пестрое поселеніе, патающееся по широкимъ улицамъ этого степнаго города, но истиннѣ интересно. Видѣлъ я нѣсколько женщинъ съ надѣтыми на голову халатами, онѣ здѣсь не особенно блюдутъ заповѣдь пророка и не отварачиваютъ лицъ своихъ отъ любопытныхъ глазъ проѣзжаго. Я самъ отварачивался и не смотрѣлъ, дабы показать симъ женамъ востока, что я тоже по восточному образованъ и знаю приличія свѣта. Все меня очень интересуеетъ, но тутъ я вижу только начало востока, какъ же будетъ интересно забраться въ самый центръ. Видѣлъ я и киргизку верхомъ на верблюдѣ, въ чрезвычайно неудобномъ для дамы положеніи. На улицѣ привѣтствовали почтенныхъ мусульманъ «селямомъ».

Немедленно послѣ обѣда, понеслись мы за покупками и поспились по лавкамъ до наступленія полной темноты. Купили валенки, рукавицы, закуски; у К... будутъ на дорогу заготовлены въ сыромъ видѣ шельмени, на морозъ онѣ не испортятся, а опущенныя въ кипятокъ дадутъ сытное блюдо; конечно, это очень удобно, но возможно только зимой. Вечеромъ пришелъ бухарець-маклеръ, съ которымъ я объяснялся по-персидски: завтра онъ явится ко мнѣ съ утра, ибо главнаго мы еще не купили, а именно, необходимаго намъ второго экипажа для моего человека Ивана, такъ какъ мы съ Г... поѣдемъ въ одномъ тарантасѣ. Надо торопиться; въ среду, 12-го ноября, хочу выѣхать далѣе.

Собственно говоря, положеніе наше довольно критическое. Пути никакого нѣтъ. Ставить-ли тарантасъ на полозья или возможно будетъ на колесахъ пробраться, это вопросъ, котораго никто рѣшить не можетъ. Одни говорятъ, надо ѣхать на полозьяхъ, другіе удостоверяютъ, что до Орска и на колесахъ можно проѣхать. Я склоняюсь то въ пользу одного мнѣнія, то другого. Ужасно не хочется ставить на полозья; и тяжело и дорого, рублей 30 съ экипажа за-

плотинь, чтобы потомъ въ степи бросить; съ другой стороны, опасаясь, что не проѣду и изломаю тарантасъ или придется лошадей по пяти впрягать, тоже дорого. Завтра долженъ рѣшить окончательно. Постановка на полозья задержать въ Оренбургѣ на сутки, если не болѣе: кажется, рискну на колесахъ. Очень неудобное время для путешествія, не дай Богъ никому; на дворѣ холодно и непривлекательно. Тулуна я не покупаю. К. даетъ мнѣ что-то вроде дохи и я беру съ собой мою шинель, а подъ дохой теплое пальто. Купилъ себѣ киргизскую теплую шапку, въ которую вся голова уходитъ, но не на киргиза похожъ я, а на самоѣда какого-то.

11-го ноября.

Сегодня съ утра день выпалъ яркій, зимній, морозу до 9°. Снѣгъ такъ и хруститъ подъ ногами и скатертью лежитъ дорога. Утро вечера мудренѣе и мнѣ стало совершенно ясно, что ѣхать надо на полозьяхъ. Пришелъ бухарецъ и сообщилъ, что пріѣхали изъ Ташкента другіе бухарцы и говорятъ, что вездѣ санный путь, вплоть до Казалинска. Захвативъ бухарца, отправился я на почтовую станцію, гдѣ меня почти отказались возить на колесахъ. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ перенетій вопросъ рѣшенъ—ѣдемъ по зимнему. Тарантасъ ставится на полозья, а для Ивана в части вещей купилъ на дѣсномъ дворѣ крытую циновкой кибитку; гдѣ-нибудь далѣе, когда уже нельзя будетъ ѣхать на саняхъ, купимъ что нибудь вроде тарантаса подешевле, а мой тарантасъ на колеса поставимъ.

Морозецъ знатный, настъ кое-гдѣ проберетъ порядочно; снѣгъ такъ ослѣпительно снѣгъ, что громадные синія очки мои, которые вызывали нѣкоторыя насмѣшки въ столицѣ, будутъ очень кстати.

Понесившись по разнымъ базарамъ, я со своимъ бухарцемъ отправился въ гости къ новопрѣхавшимъ бухарцамъ-кушамъ. Въ комнатѣ, безъ всякой мебели, на полу, устланомъ коврами, сидѣли снѣ мужи востока, въ грязныхъ домашнихъ халатахъ и тобетейкахъ. По серединѣ, на достарханѣ, т. е. на развернутой на коврѣ нестрой салфеткѣ, стояло громадное металлическое блюдо съ палау (пловъ, пилавъ). Послѣ привѣтствій я усѣлся по-турецки и около двухъ часовъ провелъ въ разговорѣ на персидскомъ языкѣ. Мои собесѣдники убѣдились, что человекъ я знающій и все между собой перешептывались: «снѣ адемъ китабиестъ», т. е. это человекъ книжный. Надо сказать, что собесѣдниковъ моихъ было пять человекъ и каждый изъ нихъ ѣлъ своими пятью пальцами, мнѣ дали деревянную ложку; пловъ, который сначала имѣлъ цвѣтъ бѣлый, къ концу

сталъ сѣрый отъ пальцевъ ихъ. Омывъ руки въ чашкѣ съ водой, подали чилимъ, т. е. кальянъ. Надо имѣть громадную привычку, чтобы курить этотъ чилимъ, я только разъ, и то съ большимъ трудомъ, могъ затянуться изъ общаго для всѣхъ мундштука. Держалъ я себя съ восточнымъ достоинствомъ и удалился послѣ разныхъ благихъ пожеланій и приглашеній. Между прочимъ, они окольными путями спросили меня, женатъ-ли я, на что я отвѣчалъ, что «обстановка» моя пріѣдетъ послѣ; такъ требуетъ восточный этикетъ. Я стараюсь не терять времени и практически знакомиться съ востокомъ.

Оренбургъ, 12-го ноября.

Завтра, часовъ въ 11 утра, тронемся на Орскъ и пойдетъ безконечная дорога. Я думалъ выѣхать пораньше, но постановка тарантаса на полозья задержала, его только завтра привезутъ ко мнѣ. Я далъ мастеру часть денегъ впередъ и онъ до того напился, что не только чужихъ, но даже своихъ до сего дня не узнавалъ. Сегодня выпало много снѣгу, санный путь отличный, но погода стала много мягче, всего 2° мороза. Сегодня мнѣ было мало заботъ, ибо все готово, кромѣ тарантаса и я такъ себѣ странствовалъ по городу. Бухарецъ Мир-Шараф-Мир-Азизовъ сопровождаетъ меня всюду по Оренбургу; отличная практика въ персидскомъ языкѣ.

Въ городѣ все знаютъ: кто, куда и откуда. Какой-то полковникъ просится въ полутяжки, а одинъ милый человекъ проситъ посылку въ Ташкентъ отвезти, въ полтора пуда всего. Я долженъ былъ отказать обоимъ по невозможности исполнить ихъ требованій.

Завтра покидаемъ мы Европу и сгрустнулось обоимъ. Выпили мы шампанскаго за оставшихся, за счастливый путь и возвращеніе.

14-го ноября, Орскъ.

Доѣхали благополучно до Орска, куда прибыли въ 1 часъ ночи при страшномъ буранѣ. Потерявъ дорогу, мы блуждали болѣе двухъ часовъ. Выѣхали мы изъ Оренбурга, какъ предполагалось 13-го числа въ 11 час. утра. Ѣхали вообще скоро, дѣлая по 180 верстъ въ сутки, несмотря на разныя приключенія въ пути.

Бодро пустились мы въ путь, но главное неудобство моего тарантаса скоро дало себя почувствовать, именно его узкость: намъ съ Г. до того въ немъ тѣсно, что мы лишены всякаго свободнаго движенія, да еще въ зимнихъ одеждахъ, такое положеніе чрезвычайно утомительно. Вообще тарантасъ только для одного человека, а надо ѣхать вдвоемъ. Вчера ночью, около станціи Гирьяльской, по-

нали въ зажорипу—глубокая лужа, образовавшаяся на днѣ оврага отъ ростецеи; никакія силы не могли вытащить нашего тарантаса; но счастью шель обозъ, и получивъ на чай, обозчики на себѣ вытащили тарантасъ обратно, снова запрягли лошадей и благополучно переѣхали зажорипу въ другомъ мѣстѣ. Почти темный, хорошо еще что снѣгъ бѣлѣеть, кое-что видно. Затѣмъ насъ лихо катили въ темнотѣ. Надо сказать, что ямщика, влетѣвшаго въ зажорипу, звали Хобахей—татаринъ: его рекомендовали какъ хорошо знающаго дорогу: послѣ этого приключенія имя Хобахей стало у насъ синонимомъ дурака. Подъ утро палетѣли на караванъ верблюдовъ, расположившійся на самой дорогѣ; лошади и верблюды перепутались, причемъ верблюды такъ отвратительно кричатъ, что я сразу, съ просонья, думаю, что это Ивана рѣжутъ; около получаса разбирались при страшномъ гвалтѣ и ругательствахъ киргизовъ-погонщиковъ, нашихъ ямщиковъ-татаръ и, наконецъ, нашихъ собственныхъ. Все это происходило около станціи Никольской. Каждый верблюдъ былъ запряженъ въ маленькія сани и чрезвычайно неповоротливъ. Но все это пустяки, эта первая безсонная ночь въ тарантасѣ ничего себѣ. Сегодняшній же перевалъ черезъ Губерли, гдѣ совѣтовали ѣхать днемъ, а мы поѣхали ночью, чтобы не терять времени и, гдѣ насъ засталъ буранъ, всегда останется въ нашей памяти. Было очень тихо, когда мы выѣхали со станціи Губерли, но версть черезъ 10, въ горахъ, когда стало совсѣмъ темно, задуть вѣтеръ и пошелъ крутить снѣгъ; дорогу потеряли немедленно. Сила вѣтра и гулъ по ущельямъ чрезвычайно неприятны; мнѣ казалось иногда, что подхватить тарантасъ и понесетъ его въ кручу. Нервы натянуты и тоскливое чувство могущей быть опасности гнететъ человека. Ѣхали, останавливались, крутились и собственно сами лошади чутьемъ проходили кое-какъ мимо обрывовъ. Воздухъ совершенно напоенъ несущимся снѣгомъ и, все кругомъ свистѣть, вертится и стонетъ. Я говорилъ Г., что сейчасъ прочтется поѣздъ смерти, какъ въ Фрейшницѣ. Какъ мы были рады увидать огни станціи Хабарной—трудно себѣ представить. Несмотря на продолжавшуюся мятель, я все-таки рѣшился добраться до Орска; около самаго города потеряли дорогу и, наконецъ, добрались до этого трактира (Россія), гдѣ пробудемъ до утра. Едва достучались. Клоповникъ ужасный, но мы такъ устали, что вѣроятно заснемъ и съ клопами. Питаемся плохо, больше чаемъ. Вообще ѣзда зимой въ этихъ краяхъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Завтра утромъ ѣдемъ далѣе, на Карабутахъ. Мы очень замаялись съ перваго переѣзда въ 26,5 верстѣ въ 1 1/2 сутки, но бу-

демъ и далѣе гнать день и ночь. По пути ничего не видали, все покрыто, какъ савагомъ, снѣгомъ. Нашъ тарантасъ идетъ четверкой, въ Губерли шли гусемъ. Иванъ на парѣ, тоже гусемъ.

Станція Токавъ, въ 27 верстахъ отъ Орска,
15-го ноября.

За весь сегодняшний день только 27 верстѣ проѣхали. Дальше ѣхать нельзя, мететь и гудить верховой буранъ по всей киргизской степи, ровно ничего не видно, глаза залѣпляются; цѣлыхъ 5 часовъ тащились изъ Орска эти 27 верстѣ и только къ вечеру на ст. Токавъ добрались. Здѣсь надо переждать буранъ, а когда онъ затихнетъ, неизвѣстно. Теперь сидимъ на станціи, мы, еще купецъ изъ Перовска, по фамиліи Озеровъ, и еще трое татаръ. Сидимъ и ждемъ у моря погоды: на дворѣ темнѣть кромѣшная, а еще только 5 часовъ; нашъ купецъ все поглядываетъ не стихаетъ ли; онъ челоуѣкъ бывалый и отлично знаетъ эти края; онъ и говоритъ: «коли буранъ къ закату притихнетъ, значитъ скоро станеть, а коли закатъ передуетъ, то долго будетъ свирѣпствовать, но нѣсколько сутокъ бываетъ». Вижу, что придется почевать, да какъ бы и болѣе не сидѣть. Отъ Орска собственно пошла степь киргизская; безкопечныя пространства; кое-гдѣ въ такъ называемыхъ урочищахъ зимуютъ киргизы. Но въ этой самой глухой степи устроены отличныя станціи, чистыя и просторныя. Стоить такая станція одна одинопонька, кругомъ только крытый дворъ и въ отдаленіи кузница. У Каразина очень вѣрны рисунки того, что мы видѣли до сихъ поръ. Первая изъ такихъ хорошихъ станцій, онѣ всѣ на одинъ маперъ, и есть Токавъ. Тутъ есть самоваръ, свѣчи, однимъ словомъ, никакого сравненія со станціями изъ Оренбурга до Орска. Тамъ какъ то глухо,—настояція пугачевскія мѣста эти проѣханныя нами казачьи станицы. Киргизы народъ симпатичный и, говорятъ, очень честный; изъ тарантаса здѣсь ничего не пропадетъ, между тѣмъ, до Орска надо было поглядывать. Купецъ Озеровъ нашъ спутникъ отъ самаго Оренбурга; кое-гдѣ разѣдемся, потомъ опять съѣдемся, вчера ночью на Губерли вмѣстѣ въ буранѣ путались.

Кажется, что стихаетъ, можетъ быть, тронемся, почевать-то не особенно удобно. Лошади маленькія, выносливыя, покуда еще нигдѣ недостатка въ нихъ не было; запрягаютъ скоро. Мы здоровы, только въ Орскомъ клоповникѣ съѣлъ какой-то бифштексъ, и теперь изжога, даже сода не помогаетъ. Чай сталъ пить стаканами, нужда научить.

Станція Тасты-бутаць 107 версть отъ Орска,
80 версть отъ Токана, 16-го ноября.

Вчера, къ 8-ми часамъ вечера, буранъ сталъ стихать и мы рѣшили попробовать счастья и ѣхать ночью. Двинулись четырьмя тройками, но проѣхали только 1¼ версты, далѣе ѣхать было буквально невозможно, дорогу замело, павалило громадные сугробы, всѣ рывины и овражки занесло, темень адская. Тарантасъ купца Озерова застрялъ въ какой-то рывинѣ и стоило большихъ трудовъ и около часу времени вытащить его. Собравшись на совѣтъ, рѣшили вернуться обратно. На возвратномъ пути, пристяжная въ тройкѣ у татаръ оборвалась въ овражекъ, ее вытащили и, наконецъ, вернулись, употребивъ на 2½ версты три часа времени. Расположились почевать въ станціонной компанѣ, я и Г... на диванахъ, остальная публика на полу.

Не важно было спать, но усталость взяла свое, и до 5-ти часовъ проспали мы. Сны посѣтили меня въ эту ночь и снились мѣста далекія отъ бураповъ, станцій, ямщиковъ; спилась уютная гостиная и кругомъ все милья, дорогія лица. Всю ночь вылъ буранъ и стучалъ ставнями, откуда-то доносились звуки колокольчика и, дѣйствительно, около 3-хъ часовъ почи пришла несчастная почта, она ѣхала 22 версты 14 часовъ. Я отдалъ почтальону свое письмо изъ Токана.

Къ утру стихъ буранъ и всталъ яркій солнечный день. Мы оставили купца и татаръ, имъ не хватило лошадей, а памъ дали, какъ ѣдущимъ по казенной подорожной, и пустились въ путь. Очень трудно было ѣхать, такая масса снѣгу, но мы погоняли и все-таки 80 версть проѣхали. Къ 5-ти часамъ вечера доѣхали до Тасты-Бутока. Опять приходится ждать утра, зги не видно, а буранъ падѣлалъ такія переменны на мѣстности, что никакъ дороги нельзя найти, и не желая путаться и почевать въ степи, я рѣшилъ остаться до утра. Намъ попадалось на встрѣчу много каравановъ верблюдовыхъ, они то, главнымъ образомъ, прокладываютъ дорогу по снѣгу; сегодня, какъ парочно, всѣ караваны разошлись по сосѣднимъ киргизскимъ кышлакамъ (зимовкамъ), и, вѣроятно, отдыхаютъ отъ вчерашняго бурана. На поверхности степи чисто и гладко; сами прокладывали путь, держась линіи телеграфа; но эта линія не всегда совпадаетъ съ возможностью проѣзда и пользоваться ночью телеграфными столбами можетъ быть рисковано, что мы вчера и испытали, когда тарантасъ купца попалъ въ рывину. Очень нехорошее время для путешествія, и негостеприимно встрѣтила насъ степь; хотя холодовъ нѣтъ, морозу стоитъ не болѣе 4°, но при вѣтрѣ прохватываетъ. Этотъ недостатокъ мороза не служитъ намъ въ пользу, при переѣздѣ чо-

резъ степныя рѣчки. Сегодня, на примѣръ, уже на виду ст. Тасты-Бутаць, переѣзжали черезъ рѣчку Орь; мостовъ, конечно, нѣтъ, и ледъ такой зелено-синій и вода частью выступила: нечего дѣлать, разогнались и благополучно перескочили препятствіе шириной сажени въ три; не безъ душевнаго волненія проѣдывались такіе скачки: выкупаться вѣдь не очень пріятно, да и лошадь погубить можно. Почтовая станція отъ Орска до Терекли содержитъ купецъ Мякинъковъ. Станція, какъ я сказалъ, очень хороша, конечно, не вокзалы, но относительно. Для большаго порядка, купецъ Мякинъковъ выгналъ ямщиковъ-киргизовъ, которые часто заѣзжали, возвращаясь назадъ, въ киргизскія зимовки и тамъ пропадали цѣлыми сутками и некому было возить проѣзжающихъ. На мѣсто киргизовъ, содержатель тракта нанялъ въ Россію ямщиковъ, на этихъ станціяхъ все больше изъ Тульской губерніи. Эти новые ямщики только 12 дней какъ водворились въ совершенно повомя для нихъ мѣстѣ, следовательно, дорогу еще плохо знаютъ, со степными лошадьми обращаться не умѣютъ, языка окрестныхъ киргизовъ не понимаютъ; нельзя надѣяться на такого ямщика, а тутъ еще и совсѣмъ пути нѣтъ. Сегодня, какъ запрягли они лошадей степныхъ гусемъ, такъ было и перевернули насъ. Вотъ какія перипетіи испытываемъ мы, и плохо двигаемся, а много, много еще версть впереди; 1,500 версть осталось до Ташкента. Г... подбодрился, но все повторяетъ: «привель меня Богъ видѣть злое дѣло». Иванъ неутомимъ, но ужасно боится паденія киргизовъ, про которыхъ новые ямщики рассказываютъ ему ужасы: говорятъ, что киргизы изъ саней аркамомъ вытаскиваютъ нутниковъ и Иванъ, съ револьверомъ на поясѣ, всегда готовъ встрѣтить опасность огнемъ. Татаръ и киргизъ мы совершенно не понимаемъ, впрочемъ, прислушиваясь внимательно, разбираешь отдѣльныя слова. Мнѣ киргизы симпатичны, но ужасно они любятъ кричать; трудно себѣ представить, какой гвалтъ поднимается каждый разъ, когда наша тройка палетасть на верблюжій караванъ. Вожатый дѣлнвъ и не желаетъ сворачивать съ пути и, наконецъ, свернуть цѣлый караванъ не такъ-то легко. Ямщикъ за версту начинаетъ кричать и грозить кнутомъ, но это не помогаетъ: тогда онъ разгоняетъ лошадей и мчитъ прямо на караванъ, палетасть и быстротой движенія отталкиваетъ верблюдовъ съ дороги; надо видѣть съ какимъ страхомъ, какъ то подобрившись, уходить одинъ за другимъ торпѣливые верблюды, лошади не обращаютъ на нихъ никакого вниманія и мчатъ. Иногда залутаются, тогда приходится остановиться и разбираться, гвалтъ подымается страшный и по всей степи носится

гортанное «хей, хей, хей», крикъ верблюдовожатыхъ. По дорогѣ попадались киргизы-охотники верхомъ, съ притороченными за сѣдломъ убитыми зайцами. у одного я видѣлъ ихъ шесть. Типичная фигура въ малахатѣ. Здѣсь уже начинаютъ попадаться степныя туркестанскія борзныя собаки, такъ называемыя тазы. Великолѣпное животное, волка беретъ сразу. Вчера на станціи Токангъ у станціоннаго смотрителя видѣлъ такихъ собакъ. Онѣ страстный охотникъ и держать ихъ нѣсколько. Великолѣпныя собаки, длина морды около фута, страшная хватка. Онѣ держатъ ихъ привязанными, ибо въ мирное время онѣ охотятся за глупыми баранами, пасущимися въ степи и копчуютъ съ бараномъ сразу. Говорятъ, хорошій экземпляръ тазы стоитъ до 100 руб. Вотъ бы любителю охоты сюда въ степь, охотнику можно разгуляться, теперь самое время. Присутствіе кышлака можно чувствовать далеко въ степи по особому, для меня совершенно новому запаху горѣлаго кизяка. Юрть здѣсь еще мало, зимовки постоянныя, и состоятъ изъ землянокъ и какихъ-то хижинъ. Около Токана цѣлое селеніе съ деревянной мечетью крашеной въ зеленый цвѣтъ; на картѣ оно не помѣчено. Вода покуда очень хорошая, хотя уже начинаетъ имѣть соленый привкусъ, для предосторожности всегда пьемъ съ коньякомъ.

Фортъ Карабутака 17 ноября, 11 часовъ вечера.

Мы хотѣли вчера на станціи Таста-Бутака дожидаться разсвѣта, но не дождались, потому что рисковали къ утру остаться безъ лошадей и въ 2 часа ночи двинулись на станцію Сары-Камышъ. Ыхали долго въ темпотѣ, но добрались благополучно. Отъѣхавъ сажень 50 отъ Сары-Камыша, благодаря этимъ русскимъ ямщикамъ, мой тарантасъ попалъ въ яму и глубоко засѣлъ въ снѣгу. Усиліями ямщиковъ и киргизовъ, прибѣжавшихъ съ тутъ же лежащей зимовки, удалось его выкопать изъ снѣгу и ѣхать далѣе, потерявъ три часа времени. Сегодня проѣхали 107 верстъ до Карабутака. Какъ надоѣлъ этотъ глубочайшій снѣгъ трудно себѣ представить; сколько усилій стоитъ тащиться по нему безъ дороги, когда лошади вязнутъ выше колѣнъ. Я не могу описать Карабутака, ибо теперь почъ; это какое-то сборище хижинъ, но здѣсь должны стоять рота и полсотни казаковъ. Воображаю, какъ весела должна быть ихъ жизнь. Знаю только еще одно, именно, что здѣсь нельзя достать пива, а вода имѣеть уже довольно рѣзкій солоноватый вкусъ. Конечно, нашъ врагъ, степной буранъ заставляеть насъ ждать здѣсь разсвѣта, такъ и дуетъ, такъ и реветъ; мы попробовали было двинуться впередъ, но

принуждены были вернуться вспять. Завтра съ разсвѣтомъ тронемъ далѣе на Иргизъ; стали на долгихъ ѣхать, скорѣе бы добраться до Туркестанскаго края, на станцію Терекли, тамъ уже не будетъ снѣга, в проѣхавъ пески Каракумъ, можно будетъ быстро двигаться.

Осталось ѣхать:

Отъ Карабутака до Иргиза	177 верстъ
Отъ Иргиза до Казалинска	355 »
Отъ Казалинска до Перовска	352 »
Отъ Перовска до Ташкента	621 »

Казалинскъ. 21 ноября, 10 часовъ вечера.

Гостиница купца Морозова.

Въ Карабутака мы выждали до утра; буранъ стихъ. Затѣмъ благополучно добрался до Иргиза. Въ Иргизѣ надо было переставить тарантасъ съ полозьевъ на колеса, что и задержало насъ въ семь распрекрасномъ городѣ. И Карабутака и Иргизъ составляли когда-то грозныя твердыни противу кочевниковъ и ихъ степныхъ набѣговъ, но нынѣ собственно упряднены, хотя сохраняютъ какое-то подобіе укрѣпленій со старыми пушками и развалившимися валами. Въ Иргизѣ я особенно подробно осматривалъ крѣпость, ибо долженъ былъ повидать уѣзднаго начальника, которому ходилъ жаловаться на почтовые распоряженія: съ меня здѣшніе почтари за лишнюю лошадь хотѣли содрать.

Уѣздный начальникъ нашелъ ихъ требованіе несправедливымъ и соблюлъ мои интересы. Описаніе Бѣлогорской крѣпости въ «Капитанской дочкѣ» какъ нельзя болѣе подходитъ и къ этимъ забытымъ Богомъ мѣстамъ. Здѣсь начинаютъ уже встрѣчаться глинобитныя постройки съ плоскими крышами, строеніе общее всей Средней Азии. Ямщики все киргизы.

Колеса дали себя почувствовать послѣ относительно плавнаго бѣга полозьевъ; насъ растрясло порядочно, въ особенности когда со станціи Джелавли начался солончакъ. Солончаки эти отъ бывшихъ дождей превратились въ глубочайшую грязь, а затѣмъ замерзли, образуя колена и кочки, ѣхать по которымъ дѣйствительное наказаніе: во 1-хъ, все боишься, что колеса тарантаса не выдержатъ, а во 2-хъ, тебя такъ трясеть, что, кажется, душу всю вытрясетъ. Такова вся дорога отъ Джелавли до Терекли, на протяженіи 38 верстъ. Станціи Джулось большая, деревянная. Станція Терекли—это граница Туркестанскаго края, около нея по дорогѣ стоятъ два столба, обозначающіе границу; я снялъ фуражку и перекрестился, вступая въ сей новый край дѣятельности моей. Со станціи Терекли начи-

наются пески Кара-Кумъ (черные пески). Самая безжизненная страна, никакой растительности, кромѣ колючки. Сыпучіе пески идутъ собственно отъ ст. Николаевской, черезъ Алты-Кудукъ, Акъ-Джупась и Сапхакъ. Мы прѣхали на ст. Николаевскую ночью, я очень утомился и крѣпко заснулъ, какъ всегда полу-лежа въ тарантасѣ. Не знаю, сколько времени я спалъ, но проснулся во время ѣзды по чему-то мягкому: ѣхали рысью и безъ всякаго шума. Первое, что меня поразило это, что ямщика на козлахъ не было, а впереди воздымались какія-то апокалипсическія чудища. Это тарантасъ катилъ на верблюдахъ. Также запряженъ тройкой, ямщикъ сидитъ верхомъ на среднемъ и погоняетъ. Верблюды идутъ рысью прекрасно, но предпочитаютъ сбиваться на шагъ, и при ударѣ кнутомъ и понуканіи какъ-то особенно жалобно кричатъ. Маленькая дѣвочка — киргизка, отлично управляла своей громадной тройкой.

Въ пустынѣ о снѣгѣ нѣтъ и помину, одинъ песокъ безъ конца и песчаньяя же возвышенія, называемыя бархапами. Очень типично здѣсь среди песковъ видъ идущихъ верблюжьихъ каравановъ, что-то другое, чѣмъ встрѣчалось ранѣе, среди степей Оренбургскаго края.

Проѣхавъ ст. Бикъ-Баули, близость большой рѣки Средней Азіи, Сыръ-Дарья, дасть себя чувствовать: начинаютъ попадаться арки и слѣдовательно кое какая растительность. Холодной лунной ночью въѣхали мы въ Казалинскъ, снѣга нѣтъ, а морозъ значительный. Освѣживъ здѣсь провизію, трогаемъ сегодня 22 ноября далѣе.

Казалинскъ уже имѣетъ типъ восточнаго средне-азиатскаго города: низенькія, съ плоскими крышами мазанки, осѣненные тополями, узкіе неправильные проулки, арбы, верблюды, базаръ.

Фортъ содержится въ порядкѣ, валы имѣютъ внушительный видъ, внутри видны казенныя постройки, солдаты въ красныхъ кожанныхъ шароварахъ, вообще первый туркестанскій видъ. Въ Казалинскѣ увидѣли мы знаменитый Яксартъ, нынѣ р. Сыръ-Дарью. Быстро течетъ широкая (саж. 250) мутная рѣка, по ней шель ледъ, оттого вода такъ мутна, почти коричневая. Течетъ рѣка въ самыхъ пустынныхъ, песчаныхъ берегахъ и разстилаются за рѣкой безъ конца страшные пески Кизиль-Кумъ.

Около самаго Казалинскаго форта красуются вытщепные на берегъ остатки бывшей Сыръ-Дарьинской флотиліи. Грустенъ видъ этихъ остововъ пароходовъ; нѣкоторые сохранили еще свои названія, таковы: «Перовскій», «Сыръ-Дарья», «Ташкентъ».

Около нихъ ходитъ часовой: удивляюсь, зачѣмъ хранить такую рухлядь. Гостиница въ Казалинскѣ помѣщается тоже въ низенькомъ

домикѣ, въ ней всего шесть номеровъ, одинъ изъ нихъ занималъ англичанинъ Добсонъ, кажется геологъ. Куда только не занесетъ англичанина; у него есть складная лодка, въ которой онъ рѣшается ѣздить по Сыръ-Дарьѣ на охоту.

Путь изъ Казалинска идетъ самой пустынной мѣстностью, часто попадаются и сыпучіе пески. Иногда только упылая мѣстность разпообразится видомъ глиняной мазарки или мулушки, т. е. гробницы какого-нибудь киргизскаго ишана или мужа святой жизни. Быстро проѣдешь мазарку и опять пустыня и не на чемъ остановить взора. Удивительно вліяніе пустыни: такая большая рѣка, какъ Сыръ-Дарья, ничего не можетъ сдѣлать съ песками и только могучей силой успѣваетъ пробивать себѣ русло среди нихъ.

На этомъ переѣздѣ отъ Казалинска до Перовска 352 версты (мы ѣхали двое сутокъ, но на ст. Акъ-Джаръ, около 9 часовъ, потеряли, сидя безъ лошадей), мы испытывали покуда самые большіе холода, въ особенности ночью, мороза было болѣе 10° при холодномъ вѣтрѣ, вивата Сыръ-Дарья, по которой идетъ ледъ, рѣка во все время нашего пути идетъ рядомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога совершенно примыкаетъ къ рѣкѣ и съ нея-то дуетъ этотъ неприятный холодъ, днемъ же грѣетъ славно южное солнце. Дни стоятъ все великолѣпныя, ни одного облачка, ночью луна: будемъ ѣхать скоро и, выѣхавъ сегодня въ 9 часовъ вечера, думаемъ въ пятницу, 28 числа, быть въ Ташкентѣ.

Перовскъ. 24 ноября. 5 часовъ вечера.
У Дарьи Афанасьевны.

Наконецъ, добрались мы въ фортъ Перовскъ, къ Дарьѣ Афанасьевнѣ. Почтенная старушка Дарья Афанасьевна, радушно встрѣчаетъ она далекихъ путниковъ; сама хлопочетъ въ кухнѣ о столѣ проголодавшихся и готовитъ намъ супъ изъ перловыхъ крупъ и жареную говядину, кромѣ того, аппетитно шипитъ на плитѣ хороший кусокъ баранины намъ на дорогу. Все это вкусно такъ въ дорогѣ, гдѣ холодная закуска надоѣла страшно. Дарья Афанасьевна живетъ въ Перовскѣ уже 30 лѣтъ, чуть ли не съ самаго завоеванія; всѣ ее знаютъ: даже киргизы знаютъ это имя, уморительно коверкая его. Рекомендовалъ намъ ее нашъ спутникъ купецъ, самъ житель Перовска. Сынъ Дарьи Афанасьевны фотографъ и только вечеръ мѣшаетъ намъ снять нашъ тарантасъ. Въ Перовскѣ гостиницъ нѣтъ и горячую пищу можно получить только у Дарьи Афанасьевны. Покуда нашъ ужинъ такъ пріятно шипитъ и жарится, я скажу нѣсколько словъ о нашей хозяйкѣ:

Если надо отыскать тигъ (тигъ пропавшій) Коробочки, то въ Перовскѣ можно его найти въ лицѣ Дарьи Афанасьевны. Домъ ея, какъ почти все дома въ Перовскѣ—глиняный, съ плоской крышей, и снаружи имѣетъ восточный характеръ, но внутри глубокой Русью пахнетъ: такъ тепло натоплено, образа съ лампадкама, по стѣнамъ олеографіи и фотографическія карточки въ рамкахъ, часы съ кукушкой и только восточные ковры нарушаютъ общій видъ. На диванѣ двѣ ангорскія пушистыя кошки. Наконецъ, дождались мы горячаго ужина. Утоливъ лютый голодъ свой, засѣли мы за чаекъ и слушали долгіе рассказы Дарьи Афанасьевны о старыхъ временахъ: какъ изъ Оренбурга ѣхала она на быкахъ, на пяти повозкахъ въ новый край, какъ тигры съѣли двухъ быковъ, какъ сама она въ камышахъ на Сырь-Дарьѣ съ тигромъ глазъ на глазъ встрѣтилась. «Густые, густые камыши облегли берега рѣки, солнце палило немилосердно», рассказывала Дарья Афанасьевна, «ѣхала я съ уральскими казаками въ Ташкентъ и всю дорогу кушали мы балыкъ и жажда одолѣла невыносимая. А была у одного казака лошадь вороная, крупная, хорошая такая, и пропала за ночь эта лошадь. Казаки поѣхали все въ пески искать ее, думали, что оторвалась и убѣжала. Осталась я одна при обозѣ, жажда томить страшная, и думаю я, возьму чайничекъ, перейду барханъ песчаный, проберусь черезъ камышъ и водицы изъ рѣки въ чайничекъ наберу. Отправилась, въ камышъ забралась, до воды недалеко. Въ воздухѣ такъ тихо, пекло, и камышъ не шевелится. Почерпнула я водицы, назадъ идти надо, смотрю я, что это камышъ какъ разъ около меня какъ будто отъ тихаго вѣтерка шевелится, такъ и покачиваются наверху мохнатая кисточки, а вѣтерка и вспоминѣ нѣтъ. Раздвинула я рукой густой камышъ, а онъ тутъ и лежитъ,ловица громадная, желтыми глазами щурится, а хвостомъ такъ по камышу и поигрываетъ, и шевелится отъ этого камышъ. Бросила я чайникъ, да ходу, бѣгу, ноги подкашиваются, въ какую сторону, не знаю. Набѣжала на лошадь воронышкую, лежитъ дохлая, обѣ заднія ноги отъѣдены. Не погнался за мной тигръ, видно сытъ былъ, да отдыхалъ, а хвостомъ какъ кошка шевелилъ, отъ неудовольствія, должно быть думалъ, не пришла-ли я его добычу трогать».

Рассказъ этотъ, слышанный нами отъ простой женщины, въ передачѣ ея не отзывался ни Майнъ-Ридомъ, ни Кунеромъ и потому записалъ я его.

Конечно, много говорили мы о тиграхъ, которыхъ теперь уже нѣтъ собственно; но Дарья Афанасьевна сообщала, что глупо те-

перь поступаютъ, что перестали за убитаго звѣря 25 руб. давать, снова разведутъ эту кошачью породу и что уже опять начинаютъ они появляться въ окрестностяхъ Перовска.

Пришелъ еще знакомый Дарьи Афанасьевны чиповникъ; онъ съ малолѣтства въ этомъ краю и ни онъ, ни Дарья Афанасьевна никогда желѣзныхъ дорогъ не видывали, вотъ такъ тиги! Въ настоящее время Дарья Афанасьевна приготовляетъ и торгуетъ окороками дикихъ кабановъ, которыхъ много шляется по Сырь-Дарьѣ, а также фазанами.

Отъ Перовска ѣхали мы день и ночь безъ остановокъ; погода была чудесная, дни теплые, солнце такъ и грѣетъ, хоть въ сюртукѣ, одномъ ходи, но за то ночь холодная, морозная и къ утру насъ прохватывало порядочно. Отъ Перовска льду на Сырь-Дарьѣ не было, рѣка совершенно чистая, но мѣстность до самаго г. Туркестана чрезвычайно однообразная и пустынная. Везуть хорошо, но насъ не мчали такъ, какъ у Карантина описано. Иванъ неутомимъ и хорошо распоряжается, страхъ нападеній у него прошелъ. Нашелъ у него свистокъ и по этому свистку оба наши экипажа, а когда былъ съ нами купецъ, то и его одновременно двигались отъ станціи: порядокъ этотъ сохранялся нами до самаго Ташкента. Такая кондукторская обязанность очень ему правилась, киргизы называли его бариномъ и очень большой почетъ къ нему имѣли. Мы же ѣхали какъ священные идолы какіе, рѣдко вылѣзая, ни говоря ни слова, ореолъ таинственности и важности окружалъ нашу тарантасъ, и часто какой-нибудь киргизенокъ съ любопытствомъ заглядывалъ къ намъ, но видя такихъ важныхъ персонъ въ форменныхъ фуражкахъ, живобиралъ свою косоглазую рожу. Вылѣзали мы изъ тарантаса торжественно, какъ архіереи какіе. Конечно, не обошлась дорога безъ руготни и криковъ, это уже необходимо, но все-таки рубль, да на часекъ старостѣ—лучшая подорожная. Безъ лошадей за весь путь мы сидѣли всего въ сложности около 11-ти часовъ, это даже очень мало. Почта ходитъ здѣсь въ большомъ порядкѣ, она не имѣетъ права нигдѣ останавливаться; несмотря ни на какую погоду она должна двигаться; можетъ ночевать сбившись съ пути въ полѣ, но никакъ не на станціи; къ приходу почты на станціи всегда должно быть три тройки готовыхъ; всего на станціяхъ имѣется по семи троекъ.

Къ городу Туркестану мѣстность стала оживленнѣе и по флорѣ и по фаунѣ. Какъ то фазанъ перебѣжалъ черезъ дорогу, я очень ясно его видѣлъ: лѣтомъ, говорятъ, ихъ очень много, а теперь все-

такъ холодно и они причутся въ кустахъ. Сайгаковъ совсѣмъ не видали.

Въ г. Туркестанѣ мы остановились специально часа на четыре, чтобы какъ ориенталистамъ осмотрѣть знаменитую мечеть Ходжа-Ахмедъ-Яссави (Хазретъ-Султанъ), постройку Тамерлана (1336—1405). Дѣйствительно замѣчательное зданіе, громадной высоты, за 20 верстъ видно. Снаружи когда-то оно все было покрыто изразцами, теперь отъ нихъ одни отдѣльные куски остались. Куполь поражаетъ своей высотой и легкостью. Но все зданіе окружено массой какихъ-то глиняныхъ стѣпъ и глиняныхъ же обваловъ, такъ что вблизи зданіе много теряетъ, общій видъ его надо смотрѣть издали.

Внутри вся мечеть бѣлая, алебастровая, михрабъ отдѣланъ пестрымъ орнаментомъ. Замѣчательна чаша для закланія жертвъ (закать).

Надо упомянуть одну легенду о постройкѣ Тамерланомъ великолѣпной мечети въ Туркестанѣ, я слышалъ ее уже въ Ташкентѣ. Мечеть построена изъ жженого кирпича, котораго пошла страшная масса. Постройки въ Средней Азіи дѣлаются изъ сырца (кирпичъ сушеный на солнцѣ) и жженный кирпичъ очень дорогъ, за недостаткомъ горючаго матеріала: въ Ташкентѣ всегда приготавливали жженный кирпичъ для рѣдкихъ случаевъ. Тамерланъ задумалъ всю туркестанскую мечеть изъ такого кирпича сдѣлать. Стали заготавливать его въ Ташкентѣ, а для того, чтобы при перевозкѣ не били его, отъ самаго Ташкента до Туркестана на протяженіи 260 верстъ поставилъ Тамерланъ людей и каждый передавалъ другому по кирпичу изъ рукъ въ руки, но все время постройки. Мысль и исполненіе достойныя правителя, каковымъ былъ Тимуръ¹⁾.

1) Осенью 1397 (799 г.) Тимуръ въ ожиданіи своей невесты Тукель-Ханымъ, дочери Хызр-Ходжа-Хана, отправился въ Ахенгеранъ (стар. Чипазъ). Оттуда въ октябрѣ 1397 г. отправился въ Яссы, поклониться праху святаго Хаджи-Ахмедъ-Яссави и сдѣлать значительное пожертвованіе на возведеніе новаго зданія надъ могилой святаго. Планъ составленъ при Тимурѣ; завѣдывалъ работами раздавалъ милостыни Убейдуллахъ. Назначено два года на работы. Была ли окончена мечеть въ назначенный срокъ неизвестно, въ Туркестанѣ говорятъ, что это было въ 806 (1404 г.). Надпись на великолѣпномъ мѣдномъ сосудѣ (синаетъ), говорить, что сдѣланъ овъ въ мѣсяцъ шеваль 801 (1398 г.) работы мастера Абд-ул-Азиза, сына мастера Шерифъ-ед-Дина. Кромѣ могилы святаго Ахмедъ-Яссави, въ мечети находятся могилы: 1) правнучки Тимура Раби-и-Бегимъ, дочери знаменитаго Улугъ-Бека, скончавшейся въ 880 (1475—1476 гг.); 2) Абу-и-Хейрѣ Сулюдж Хану, скончавшагося въ 931 (1524 г.), духъ его сыновей, внука, дочери, знатныхъ лицъ кунгуденаго рода, туркестанскихъ шейхъ-уль-исламовъ и киргизскихъ султановъ, умершихъ въ первой половинѣ XVI вѣка.

Туркестанъ уже совсѣмъ восточный городъ; мы ходили по базару, видѣли дервишей, востокъ какъ въ сказкахъ арабскихъ. по грязно и воняетъ кунжутнымъ масломъ.

Живо прокатили черезъ Чимкентъ и вотъ конченъ нашъ длинный путь и мы у желазной пристани — въ Ташкентѣ. Изъ Оренбурга мы выѣхали 13-го ноября въ 11 час. утра и прибыли въ Ташкентъ 28-го ноября въ 3 ч. дня.

Послѣдняя станція до Ташкента Хошь-Кепрюкъ; отъ нея вся дорога до города идетъ по заселенному мѣсту, среди садовъ. За 6 верстъ отъ города, у такъ называемой избушки, къ нашему тарантасу лихо подскочилъ джигитъ и подалъ мнѣ записку отъ К. съ приглашеніемъ остановиться у него.

II. Въ Ташкентѣ.

30-го ноября.

Вотъ мы уже третій день какъ въ столицѣ Средней Азіи. Городъ производитъ впечатлѣніе сада, за деревьями почти не видно домовъ, несмотря на то, что листья въ на деревьяхъ нѣтъ. Дома все одноэтажные, многіе красивой постройки. К. занимаетъ отдѣльный домикъ въ четыре комнаты, кухня, дворъ засаженный тополями, открытыя конюшни, помѣщеніе для людей. Здѣсь мы временно и помѣстились.

Улицы въ Ташкентѣ чрезвычайно широкія, извозчики нарные (пристяжкой) лучше петербургскихъ. К. немедленно записалъ насъ въ члены военнаго клуба, гдѣ мы и обѣдаемъ, и завтракаемъ, обѣдъ въ мѣсяцъ стоитъ 9 р., остальное спрашивается по порціямъ. Въ клубѣ вина не пьютъ, все очень скромно, довольствуются пивомъ, завода Иванова, посящаго громкое названіе — Ташкентская Баварія, очень порядочное. Главный буфетчикъ французъ, по фамилии Reveillon и когда лично ему закажешь, то приготавливаютъ отлично. Помѣщеніе клуба очень хорошо. Тапцовальная зала, гдѣ бывають семейные вечера, въ два свѣта съ хорамъ, съ отличной сартовской лѣпной работой. Одна сторона залы образуетъ громадную гостиную съ высокими окнами, на которыхъ висятъ дорогія портьеры; по бокамъ этой главной гостиной, возвышающейся на три ступени надъ паркетомъ залы, идутъ малыя гостиныя, отлично отдѣланныя, каждая въ своемъ родѣ. Весь этотъ шикъ заведенъ еще въ тѣ времена, когда въ Ташкентѣ было много денегъ, въ послѣднее время управленія К. П. фонъ-Кауфмана: все, конечно, стоило очень дорого, все выисывалось изъ Россіи, начиная со столовыхъ сервизовъ и кончая

большими люстрами для залы. Если теперь и поблещь въ мелкихъ частностяхъ общій блескъ, особенно относительно посуды, то все-таки, видъ и тонъ Ташкентскаго клуба чрезвычайно эффектенъ и великолѣпенъ для такихъ далекихъ окраинъ.

Съ чѣмъ еще никакъ не могу примириться, такъ это съ холодомъ, нигдѣ такъ не мерзъ, какъ теперь въ Ташкентѣ. Снѣга нѣтъ, но погода сырая, холодная, а дома, какъ и вездѣ на югѣ, болѣе къ жару приспособлены и потому въ комнатахъ очень свѣжо, хотя при-казываемъ топить чуть ли не весь день. Къ вечеру буквально мерзнуть конечности рукъ и ногъ. Надо сказать, что въ большинствѣ старыхъ ташкентскихъ домовъ полы сложены изъ кирпичиковъ и ихъ необходимо покрывать кошмой или коврами, во избѣжаніе холода и пыли.

17-го ноября въ Ташкентѣ было сильное землетрясеніе, давно такого не помнятъ; въ домахъ много трещинъ подѣлало и даже обвалило нѣкоторыя, но смертныхъ случаевъ причинило всего одинъ: задавило въ азійскомъ городѣ ребенка. Теперь ташкентцы боятся, чтобы такое землетрясеніе не повторилось, потому что дома, давшіе трещины могутъ и дѣйствительно обвалиться.

Сегодня гуляли съ К. по главнымъ улицамъ Ташкента. Улицы Московская, Соборная и Романовская, самая лучшая, Невскій и Морская Ташкента, всѣ въ деревьяхъ, а по бокамъ течетъ вода арыковъ. Главный магазинъ съ зеркальными стеклами, магазинъ Захо; можно все пайти пачиная отъ колесной мази до разныхъ ухищреній туалета. Есть здѣсь и родъ гостинаго двора, здѣсь тоже главный магазинъ Захо; кое-какія книги можно найти тутъ же. Захо, Ивановъ и Филатовъ—это монополисты Туркестанскаго Края.

На улицахъ народу не много, все больше сарты въ тюбетейкахъ и чалмахъ; поражаетъ отсутствіе женскаго пола, встрѣтилъ всего трехъ русскихъ дамъ, а сартянки представляютъ родъ движущихся колоды съ наглухо закрытыми чернымъ чинетомъ лицами. Сарты всѣ верхомъ, или на громадныхъ сартовскихъ арбахъ съ колесами въ діаметрѣ болѣе 1½ сажени. Изъ нашихъ, по улицамъ видны все люди служащіе, офицеры, чиновники, солдаты, казаки; нѣтъ простой толпы, къ какой привыкъ въ Петербургѣ. Улицы широкия и только вышеупомянутыя три мощенныя и имѣютъ каменные тротуары. У каждаго дома свой садъ и поэтому дома отстоятъ далеко одинъ отъ другаго. По эта масса зелени и воды должна дѣлать городъ лѣтомъ чрезвычайно привлекательнымъ: теперь, конечно, нѣтъ листьевъ и Ташкентъ имѣетъ видъ голый и грустный. Странныя

здѣсь деревья, благодаря арычному орошенію, обильно питающему корни, и страшно жаркому солнцу, всѣ они тянутся вверхъ и мало раскидистыя; вѣтви чрезвычайно тонки, и здѣшній тополь имѣетъ другой видъ, чѣмъ тополь, напримѣръ, въ Кіевѣ. Встрѣчаются, конечно, громадные карагачи тутъ и ива, но на улицахъ ихъ мало; тополь же посаженъ въ два, три ряда и такъ часто, что безъ листвы закрываетъ дома. Въ Ташкентѣ всѣ другъ друга знаютъ, я не говорю знакомы, а знаютъ по фигурѣ, по виду на улицѣ, и каждое новое лицо обращаетъ на себя вниманіе прохожихъ, я самъ чувствовалъ сегодня на себѣ эти взгляды, провожающіе и недоумѣвающіе. Когда я шелъ одинъ по Соборной улицѣ, то какіе то джигиты-сарты, наѣзжавшіе лошадей, сейчасъ же обратили вниманіе, что это новый «тюря»—господинъ и немедленно пристали ко мнѣ, что «тюря» лошадь нужна, необходима, и тутъ же на улицѣ стали производить передо мной пастоящую выводку и джигитовку. Мнѣ лошади понравились, по 100 и 120 р., но говорятъ, что эти джигиты большею частью дрянъ продаютъ. У К. отличныя четыре верховыя лошади и при нихъ двое джигитовъ-кошховъ. Содержаніе лошади въ мѣсяць здѣсь стоитъ всего 6 р., но джигиты дороги, по 12 р. человѣку въ мѣсяць.

Очень оригиналенъ видъ двора у К., совершенно восточный, если не арабскій даже. Здѣсь нѣтъ закрытыхъ конюшенъ, просто только навѣсъ: на лошадей зимой надѣваютъ теплыя попоны, которыя покрываютъ и голову, и привязываютъ ихъ среди двора прямо къ кольцу на землѣ (коль такъ вбить въ землю, что на поверхности остается только кольцо); подъ навѣсъ ставятъ лишь въ особенно дурную погоду. Дворъ обсаженъ деревьями и видъ этихъ привязанныхъ къ землѣ лошадей въ пестрыхъ пополахъ и азіатовъ-кошховъ очень живописенъ и оригиналенъ. Киргизки и сартянки ѣздятъ помужски обыкновенно за спиной своего супруга, это очень романтично, но врядъ-ли было бы удобно для европейской дамы.

3-го декабря.

Попемногу пачинаю осматриваться въ Ташкентѣ, но теперь пошли дожди и туманы; совершенно Петербургская осень, и развѣлась такая грязь на улицахъ, что пѣшкомъ просто ходить невозможно, рискуешь въ грязи даже личные сапоги потерять. Ташкентцы увѣряютъ, что эта грязь еще ничего себѣ, бываетъ хуже. Дѣйствительно, лесовая почва способствуетъ этому. Офицерство ѣздитъ верхомъ. Въ городѣ можетъ быть болѣе мощенныхъ улицъ и тротуа-

ровъ, чѣмъ мнѣ казалось ранѣе, но на нихъ большими арбами и калошами сартовскими нанесено столь много грязи, что только черезъ громадный слой ея чувствуешь твердую мостовую улицы.

Завтра я переѣзжаю отъ К. въ настоящій мусульманскій домъ въ азіятскомъ городѣ. Забота о практикѣ сартовскаго языка представляетъ теперь для меня главный вопросъ. Рекомендовали мнѣ здѣсь очень ученаго муллы Саттаръ-Хана, опъ даже былъ на слѣздѣ оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1876 г. Я познакомился съ нимъ, долго толковалъ о востокѣ и, видя желаніе мое учиться, опъ предложилъ мнѣ у себя три пустыхъ комнаты; въ одной изъ нихъ заколачиваютъ дверь, ведущую въ гаремъ почтеплага муллы, топятъ и готовятъ помѣщеніе для ученика. Дверь у меня будетъ отдѣльная на улицу, чтобы не тревожить женской половины, и да не соблазнится жены пророка! Ученіе будетъ идти каждый день и по сколько угодно часовъ, будемъ читать по-арабски, по-персидски и практиковаться по-сартовски. Исторія мусульманскаго востока тоже хорошо пойдетъ, Саттаръ-Ханъ считается знатокомъ ея, и у него много хорошихъ рукописныхъ книгъ по этой части.

У муллы Саттаръ-Хана великолѣпная бѣлая чалма, дома опъ ходитъ въ тюбетейкѣ. Сегодня видѣлъ я все внутреннее его помѣщеніе и проходилъ черезъ женское отдѣленіе, при чемъ жены и служанки, здѣсь бывшія, лицъ не закрывали, на томъ, вѣроятно, основаніи, что самъ мулла проводилъ посторонняго человѣка черезъ свой гаремъ. Впрочемъ, не было нужды закрывать лица, столь онѣ некрасивы и непривлекательны. У Саттаръ-Хана двѣ жены, нѣсколько человѣкъ дѣтей и взрослая дочь по имени Хаир-ун-нисса—по-арабски—«лучшая изъ женщинъ». Вся эта публика валялась на полу, на которомъ среди комнаты стоялъ мангалъ (жаровня), покрытый одѣяломъ; женщины лежали по радіусамъ, имѣя ноги у мангала, и до середины туловища тоже покрытыя одѣялами, онѣ грызли орѣхи; тутъ же возились дѣти.

Домъ муллы за Чимкентскими воротами, въ азіятской части города; здѣсь уже восточный видъ, маленькій базаръ. Передъ окнами въ четыре ряда растутъ молодые тополя, имѣющіе теперь видъ торчащихъ изъ земли розогъ и, конечно, течетъ маленькій арыкъ. Далѣе идетъ широкая улица, такъ называемое Московское шоссе, по которому прикатили мы сюда. Далѣе взоръ упирается въ глиняную стѣнку, огораживающую какое-то пустое пространство, за которымъ видна опять глиняная стѣна и, наконецъ, на фонѣ—куна деревьевъ. Вся культурная часть Средней Азіи перекрещена, пересѣчена та-

кими стѣнками изъ глины; матеріалъ подъ рукой и всякій хозяинъ-сартъ обведетъ свое владѣніе, часто $\frac{1}{2}$ десятины, стѣной; тамъ у него или поле, или садъ. Всѣ эти стѣнки переплетаются въ такой лабиринтъ, гдѣ разобратся, оріентироваться—нѣтъ никакой возможности. Въ сѣрый день вся эта масса глины имѣетъ грустный, однообразный видъ, но стоитъ только ярко засвѣтить здѣшнему солнцу, даже теперь зимой, то право какъ-то оживаетъ эта глина. Простая стѣнка, на фонѣ группа тополей, синее, глубоко синее небо, и этотъ необыкновенный эффектъ солнечнаго освѣщенія—и вотъ вамъ картинка, для передачи которой найдутся-ли подходящія краски! Сегодня такой прелестный день и, несмотря на грязь, пошелъ я бродить недалеко отъ своей квартиры. Старый волшебникъ-солнце вездѣ живописуетъ чудные сюжеты художнику; такъ бы казалось взять и нарисовать; фотографія тутъ безсильна.

Прислонившись къ ярко освѣщенной стѣнкѣ сидитъ на корточкахъ старикъ-сартъ весь въ лохмотьяхъ, грязный; ясно опредѣлить цвѣтъ его рубища, начиная съ полнившейся, выцвѣтшей, когда-то зеленой, чалмы, нѣтъ никакой возможности, но солнце разукрасило всю эту фигуру такими яркими, новыми красками, преисполнило такой свѣжестью и блескомъ, что стоишь и любуешься, какъ на прекрасный этюдъ. Смотря на востокъ съ точки зрѣнія холодной критики, опъ покажется такимъ грязнымъ, оборваннымъ, нищенскимъ, не представляющимъ ужъ ничего поэтичнаго и красиваго; я не былъ въ Багдадѣ, но тамъ говорятъ грязи еще больше, и не могу судить о классическомъ востокѣ, но здѣсь пусть свѣтитъ волшебное солнце и какъ позолотой покроетъ оно землю и пѣзъ бѣднѣйшаго оборваннаго нищаго представить богатѣйшій сюжетъ для красокъ и кисти. Мнѣ говорила одна художница, что весной она здѣсь просто съума сходитъ отъ множества живописныхъ сюжетовъ и недостаточности красокъ для выполненія ихъ.

9-го декабря.

Вчера къ вечеру переѣхали мы на новую квартиру къ муллѣ Саттаръ-Хану. Сегодня весь день устранивались на новомъ мѣстѣ: пришлось обзавестись кое-какимъ хозяйствомъ. Въ домѣ Саттаръ-Хана вода арычаная, почти стоячая, въ такъ называемомъ «хаузѣ» (бассейнъ во дворѣ); все семейство его пьетъ и моется въ подобной водѣ, которую если поставить отстояться, то получаешь громадный осадокъ органическихъ веществъ и ощущается даже легкій запахъ. Но къ нашему счастью въ Ташкентѣ есть водовозы, привозящіе проточную хорошую воду изъ рѣчки Саллара. Теперь у насъ въ перед-

ней стоять огромный глиняный кубиницъ на библейскій манеръ, въ которомъ и сохраняется вода для самовара и умыванія. Относительно воды я очень остороженъ: въ этихъ краяхъ, какъ известно, аричная вода служитъ источникомъ разныхъ, чисто мѣстныхъ болѣзней. Мебели у насъ пока три кровати, шесть простыхъ табуретовъ и три простыхъ стола. Полъ весь покрытъ тростниковымъ чиемъ (родъ плетенки изъ камыша) и сверху паласъ. На стѣнахъ висятъ карты, оружіе, а для болѣе восточнаго вида просилъ муллу купить образцы восточной каллиграфіи въ рамкахъ, такъ называемой, «кхатъ». Но вообще видъ пустынный, средне-азиатскій. Завтра начинаются занятія по восточнымъ языкамъ.

16-го января 1887 г.

Самое лучшее для меня время дня это вечеръ; тогда я занимаюсь усердно и часто въ видѣ отдохновенія среди занятій нагѣваю романсы и любимые мѣста изъ оперъ; нѣкоторые грустные мотивы трогаютъ до слезъ моего почтеннаго учителя. Такъ, напримеръ, романсъ «Не для меня придетъ весна». Саттаръ-Ханъ не можетъ слушать равнодушно; онъ даже перевелъ слова со своими собственными добавленіями на персидскій языкъ, стихами, и преподнесъ мнѣ. Вечеромъ стоитъ у насъ самоваръ и горячій ромъ ямайскій согрѣваетъ и разгоняетъ иногда унылыя думы присутствующихъ. Теперь постараюсь дать нѣкоторыя болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ ученомъ мужѣ востока, о почтеннѣйшемъ Абд-ус-Саттаръ-Ханъ-Абд-ул-Гафуръ-Ходжа Ишановѣ.

Родители его, благочестивые мусульмане г. Чимкента, уже престарѣлые, живы до сихъ поръ, и до сихъ поръ молятъ аллаха, да направитъ онъ на путь истинной вѣры любимаго сына, сонедшаго съ прямого пути и увлекшагося понятіями и соблазнами невѣрныхъ. Будучи старшимъ муфтіемъ и имамомъ соборной мечети въ Чимкентѣ, чисто сохраняя въ сердцѣ своею пламенную вѣру въ единого Бога и его пророка, довольствуясь малымъ и никогда въ жизни никого не обидѣвъ, отецъ Саттаръ-Хана готовилъ сына на духовную службу. Способность сына къ занятіямъ, пылливый умъ и быстрая память радовали родителей, но совершенно была ихъ радость, когда блестяще кончивъ курсъ въ высшемъ Ташкентскомъ медресе Шукуръ-Ханъ, въ этомъ хранилищѣ мусульманскаго богословія и науки, ихъ сынъ самъ уже муфтіемъ пришелъ въ родной городъ и ревностно раздалась его проповѣдь и страстное чтеніе корана въ родной мечети. «Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Мухаммедъ—Пророкъ его», восклицалъ глубокоубѣжденный юный мулла и поучалъ правовѣрныхъ; а

съ сѣвера шли страшныя, тревожныя слухи, неслась молва, что идутъ урусы и у каждаго изъ нихъ по три глаза, и иѣтъ отъ нихъ никому пощады. Насталъ сентябрь 1864 г. Лучшая пора года въ этихъ краяхъ, когда отдыхаетъ природа отъ страшныхъ духоты и зноя, и населеніе, кончивъ тяжелыя полевыя работы, безопасно наслаждается жизнью и на еще ярко блестящемъ солнышкѣ, и въ уже прохладной тѣни. Но въ этотъ годъ не было спокойствія въ Чимкентѣ, самъ Ташкентскій кушъ-беги, съ коканскимъ войскомъ прибылъ въ Чимкентъ, послѣдніи укрѣпляли глиняныя стѣны, ставили допотошныя пушки и готовились къ отчаянной оборонѣ, исполняя строгое приказаніе свирѣпаго Алимкула, правителя Коканда. Еще ожесточеннѣе, еще фанатичнѣе гремяли рѣчи Саттаръ-Хана, возбуждали и подкрѣпляли правовѣрныхъ на бой, за который тамъ въ раю обѣщана пророкомъ лучшая награда.

Тревога, ожиданіе чего-то неизвѣстнаго господствовали всюду. Часто, въ лучахъ уже заходящаго солнца, творя свой вечерній намазъ, задумчиво взглядывался старый мулла въ уже потемнѣвшую сторону сѣвера; онъ тоже ждалъ, онъ зналъ, что не уйдетъ передъ невѣрными, и поручалъ себя и семью волѣ Божіей.

25-го сентября пришли бѣлыя рубахи. Издалека закружилъ бѣлый дымокъ, но пущенный спарядъ не долетѣлъ до крѣпости. Чимкентцы радовались и сами стали налить изъ своихъ пушекъ. Саттаръ-Ханъ ходилъ по стѣнѣ и любовался красивымъ видомъ пачавшагося дѣла. Русскіе пошли на штурмъ, явилась паника, и забывъ отца, мать, семью, Саттаръ-Ханъ въ толпѣ прочихъ бѣглецовъ бѣжалъ изъ Чимкента въ Ташкентъ. Здѣсь онъ оставался недолго. Самовластный диктаторъ Алимкуль жестоко поступалъ съ бѣглецами, онъ обращалъ ихъ въ солдатъ и за малѣйшій проступокъ наказывалъ смертью. Однажды, глубокой ночью, подвергаясь смертельной опасности быть пойманнымъ, Саттаръ-Ханъ бѣжалъ изъ Ташкента и преданъ русскимъ. Въ немъ приняли участіе наши офицеры; онъ быстро освоился съ русскимъ языкомъ, съ жадностью впитывая въ себя новыя, до сихъ поръ совершенно чуждыя для него идеи; забросилъ все свое мусульманство, и такъ какъ то были времена «годовъ шестидесятихъ», то не остался чуждъ и идей, такъ называемыхъ, «красныхъ», и наизусть заучилъ имена Дарвина, Дж. Стюарта Мила, Ласалля, Ренана и проч. Сдѣлавшись переводчикомъ при русскихъ властяхъ, Саттаръ-Ханъ быстро пошелъ по лѣстницѣ туземной администраціи и въ концѣ семидесятихъ годовъ мы видимъ его казіемъ въ новоприсоединенномъ Кокандѣ. Затѣмъ ему что-то не повезло, и въ на-

стоящее время Саттаръ-Ханъ состоитъ преподавателемъ сартовскаго языка въ учительской семинаріи и работаетъ въ редакціи туземной газеты; Саттаръ-Ханъ любитъ пофилософствовать. Это какой-то ребяческій лепетъ въ устахъ почтеннаго мусульманина, нынѣ считающаго себя атеистомъ. Европейскія мысли, цивилизація запада коснулись его; онъ съ жаромъ воспринялъ ихъ, но основанія, фундамента, нѣтъ у бывшаго муллы и яраго поклонника религіи ислама. Онъ познакомился и съ Евангеліемъ, которое даже переводилъ на сартовскій языкъ для библейскаго общества. Онъ, конечно, самъ многое вынесъ оттуда, иногда толкуетъ совершенно въ духъ Толстого, но, какъ мнѣ кажется, не могъ онъ, да оно и понятно, схватить истинаго духа ученія Христа, но ясно вывелъ оттуда чисто коммунистическое ученіе и только. Онъ не можетъ понять изреченія, что «Царство Мое не отъ міра сего». Въ вопросѣ о динарахъ и кесарѣ онъ убѣжденъ, что никакихъ податей платить не надо, что это именно хотѣлъ сказать Спаситель и тѣмъ сдѣлать людей счастливыми. Я лично мало пускаюсь въ споры съ Саттаръ-Ханомъ, представляя это Г., но за то стараюсь выжимать изъ него все, что относится до мусульманства, въ особенности, что касается обрядовъ, тонкостей догмы и правилъ религіи. Правовѣрный мулла не покажетъ кафиру, напримѣръ, исполненіе намаза. Благодаря же Саттаръ-Хану я и въ этомъ преуспѣваю. Вчера, вечеромъ, все время былъ занятъ исполненіемъ намаза.

Сначала я записалъ, такъ сказать, уставныя правила, а затѣмъ Саттаръ-ханъ показывалъ на практикѣ, я исполнялъ: оба мы падали ницъ, становились на колѣни, подымались, снова опускались — все по правиламъ и читали слѣдующія молитвы, къ великому соблазну Ивана. Во всей этой процедурѣ много тонкостей, какъ складывать руки, какъ становиться на колѣни, куда держать обращенными глаза, какъ падать ницъ, что при этомъ говорить и проч. и проч. Все это я теперь знаю и, пожалуй, не хуже любого муллы могу продѣлать; а главное, знаю смыслъ, почему, и какъ, и отчего слѣдуетъ, чѣмъ и могу отличиться отъ простаго, неученаго мусульманина, исполняющаго все это только въ силу привычки. Кромѣ того, это дѣйствительно великолѣпная гимнастика, можно устать очень скоро. Теперь мнѣ понятно — отчего пророкъ просилъ у Бога оставить только пять намазовъ, вмѣсто гораздо большаго количества, назначеннаго сначала. Это Моисей, сей знатокъ всѣхъ обрядовъ, надумилъ пророка просить уменьшенія, иначе, навѣрно, погибло бы все мусульманство.

Знакомлюсь также съ исторіей Средней Азіи. Въ здѣшнихъ краяхъ, я не говорю собственно про Ташкентъ, можно найти многое и по части историческихъ рукописей, и по части документовъ ханскихъ, эмирскихъ и проч. Документы, имѣющіеся среди самаго населенія, какъ, напримѣръ: ярлыки на владѣніе землей и вакуфами, представляютъ драгоценный матеріалъ. Я знаю, напримѣръ, что въ Курамѣ, нынѣ Ташкентскій уѣздъ, есть документы времени эмира Тимура.

На все это до сихъ поръ обращено очень мало вниманія; съ такихъ документовъ, какъ Тамерлановы, не снято даже копій. Меня касается собственно мусульманская исторія Средней Азіи, и я ничего не говорю о древностяхъ греко-бактрійскихъ, чуть ли не остаткахъ походовъ Александра Македонскаго. Конечно, постройкѣ, замѣчательныхъ своей древностью, мало на поверхности Средней Азіи, по мечети, медресе и дворцы Самарканда, мечеть Хазрета въ Туркестанѣ представляютъ уже громадныя памятники цвѣтущаго искусства Средней Азіи — довольно и этого. Исторія Средней Азіи работа новая, къ которой дѣлались, да и долго будутъ дѣлаться только попытки: никто изъ ученыхъ сюда не заглядывалъ, а которые и были здѣсь давно, какъ нашъ Ханьковъ, Вамбери и друг., должны были работать въ крайне стѣснительныхъ обстоятельствахъ, еще при ханскомъ правленіи. Сюда много ѣздилъ англичанинъ Борнсъ, Кополли, Форсайтъ и друг., но это все политическіе, такъ сказать, дѣятели, офицеры или натуралисты. Никто изъ ученыхъ ориенталистовъ не хотѣлъ здѣсь пожить да посмотреть хорошенько, да и средствъ къ этому не даютъ, это тоже причина всѣкая: частныхъ ученыхъ обществъ у насъ не существуетъ. Я глубоко убѣжденъ, что потому нѣтъ здѣсь дѣйствительно интереснаго, что мало искали, мало знакомились съ краемъ, но много разорили его, даже и при нашемъ завоеваніи, примѣръ интурмы Черныева, взятіе гор. Чимкента и проч. Надо съ учеными и мусульманами познакомиться, языкъ знать и понять спиританное, а вовсе не несуществующее. Да и какъ не найти въ странахъ, гдѣ жило множество народовъ, гдѣ образовались громадныя имперіи. Что не всѣ они были кочевники это доказываетъ множество слѣдовъ громадныхъ арыковъ, цѣлыхъ рѣкъ искусственныхъ, также и развалины городовъ обширныхъ, какъ напримѣръ, Сауранъ, недалеко отъ Туркестана, который я самъ видѣлъ, проѣзжая, и въ которомъ Лерхе рылъ какую-то ямку въ углу башни и ничего не нашелъ. Вѣдь нельзя этотъ случай принять за доказательство, что вообще ничего не существуетъ. Самъ же Лерхе

въ другихъ мѣстахъ нашелъ много интереснаго и даль покуда, кажется, чуть ли не единственный существующій источникъ по археологич Туркестанскаго края, очень коротенькій, не полный, но тѣмъ не менѣе, чрезвычайно интересный: «Археологическое путешествіе по Туркестанскому краю» Лерхе, СПб., 1870 г.

Конечно, песокъ, убивающій всякую жизнь, заметающій всякій слѣдъ, многое покрылъ вѣчнымъ слоемъ и глубоко скрылъ въ нѣдрахъ своихъ: но вѣдь и Ниневія, и Египеть воскресли изъ-подъ этого вѣкового песку, и Помпею изъ-подъ пещла п лавы открыли. Прошу извиненія за слишкомъ сильное, можетъ быть, сравненіе. Цивилизація Средней Азіи временъ тимуридовъ слишкомъ ничтожна въ сравненіи, но она существовала и не могла, такъ себѣ, безслѣдно пропасть, и если покрываетъ слѣды ея песокъ, то опять таки сравнительно слоемъ гораздо болѣе тонкимъ. Песокъ хорошій хранитель, но, конечно, для этого нужны раскопки громадныя и дорогія. Гораздо болѣе стихій, разоряли Среднюю Азію люди. Движеніе ордъ, борьба національностей и религій, произволь правителей и рѣзня постоянная жестоко отразились на странѣ. Но тѣмъ не менѣе, остались еще слѣды древностей, такъ сказать, движимыхъ. Всякій прѣзжавшій сюда и хоть немного интересующійся археологіей и исторіей успѣвалъ что-нибудь вывезти и изъ монетъ, и изъ рукописей, и изъ утвари древней.

Послѣдній примѣръ—проф. Веселовскій, который былъ здѣсь въ нынѣшнемъ году, собственно говоря, только проѣздомъ, а между тѣмъ привезъ въ Петербургъ нѣсколько очень интересныхъ вещей и, по его порученію, кажется, нѣкій бухарець Ахрамъ Палванъ собралъ уже до нѣсколькихъ тысячъ древнихъ монетъ для Императорскаго археологическаго общества. Результатомъ наблюденій проф. Веселовскаго была статья въ запискахъ восточнаго отдѣла археологическаго общества, гдѣ онъ доказываетъ, что поддѣлокъ древностей въ Средней Азіи не существуетъ и объясняетъ это малымъ спросомъ, а не отсутствіемъ ихъ.

3 января.

У насъ такая холодная зима, что вчера отъ мороза даже голубь залетѣлъ, и теперь Иванъ хочетъ его приручить. Надо сказать, что здѣсь существуетъ двѣ породы голубей, простой русскій голубь (кебутерь; этого приручить очень просто) и голубь, котораго мы называемъ египетскимъ (мусачъ, по здѣшнему). Этыхъ мусачей здѣсь очень много, болѣе чѣмъ простыхъ; они также живутъ въ домахъ, но, какъ говорятъ сарты, ручными ихъ сдѣлать нельзя. Къ намъ по-

пался мусачъ и, несмотря на увѣренія Саттаръ-хана, что онъ даже пищи не будетъ принимать въ неволѣ, нашъ мусачъ пренебрежно клюетъ рисъ и теперь сидитъ передо мной на книгахъ и пугливо смотритъ вокругъ. Надо замѣтить, что собственно этотъ видъ голубей долженъ представлять по христіанскимъ вѣрованіямъ Духа Святаго «...и увидѣлъ Іоаннъ Духа Божія: который сходилъ какъ голубь, и ниспускался на Него» (Матѳей III, 16). Въ самомъ дѣлѣ, какое это вдохновенно-удачное представленіе. Мусульманская легенда повѣствуетъ, что птица эта такъ чиста, такъ невлюблива, что однажды прилетѣлъ ястребъ и говорить мусачу, «какой ты глухой голубь, живешь около людей и все не сдѣлаешься домашней птицей: было бы тебѣ гораздо снокойнѣй, лучше, теплѣе». Голубь отвѣчалъ: «я живу около людей, люблю ихъ, но вижу постоянно, какъ нехорошо поступаютъ они и не могу стать домашнимъ, покуда будутъ люди столь несправедливы». Эту легенду рассказалъ намъ Саттаръ-Ханъ, подкрѣпляя симъ то положеніе, что никогда не приручимъ мусача.

Не ожидалъ я видѣть въ Ташкентѣ такой зимы, очень похожа на петербургскую; но ночамъ бываетъ большой морозъ, да и снѣгу въ общемъ было немало.

Всѣ сарты приуныли, холодно имъ; на другого оборванца просто жалко смотрѣть, какъ въ своемъ халатикѣ, накинутомъ часто на голову, въ мелкихъ калошахъ, задаетъ онъ лататы по морозцу. Болѣе всѣхъ жалки верблюды, которые каждый день вереницами проходятъ мимо оконъ моихъ. Живя у Чимкентскихъ воротъ, такъ сказать, на границѣ города европейскаго и азіатскаго, я часто смотрю въ окошко и нахожу много очень интереснаго и иногда невольно смѣюсь при видѣ этихъ халатниковъ и ихъ уличной жизни, а здѣсь, около воротъ, эта жизнь довольно оживлена. Верхомъ на коняхъ, ослахъ, верблюдахъ, въ арбахъ и пѣшкомъ съ утра и до вечера, движется вся эта публика мимо меня. Вчера я даже на крыльцо вышелъ посмотрѣть скачку двухъ водовозовъ, верхомъ на лошадахъ, запряженныхъ въ бочки; халаты развѣвались по воздуху, тубетейки на затылкѣ — лихо неслись они по гололедицѣ, падо было видѣти эти рожи, чтобы оцѣнить всю прелесть картины.

Послѣ того шагомъ, спокойно ѣхала другая бочка, поставленная на салазки, на какихъ мальчишки съ горъ катаются. Въ салазки запряжена лошадь на веревочныхъ постромкахъ и рядомъ медленно выступалъ сартъ въ чалмѣ. «Видѣли—впереди глупость скакала, а сзади идетъ мудрость», сказалъ мнѣ тутъ же стоявшій Саттаръ-Ханъ. И слова эти видимо произвели серьезное впечатлѣніе на кругомъ стоявшихъ сартовъ.

6 февраля.

Я проснулся сегодня в семь часов утра, яркие лучи солнца уже прывалились через шторы в комнату и так весело освещали всю нашу походную обстановку. Г... спалъ, какъ ангелъ, несмотря на этотъ яркий свѣтъ. Какая прелесть солнце, что за наслаждение несла въ природѣ, какъ хочется вѣкъ дышать свободно, жить, наслаждаться. Я потянулся съ удовольствіемъ и протянулъ руку, чтобы взять съ табуретки папироску и въ то же время приподнял голову. Вдругъ рѣзкая, жгучая и въ то же время невыразимо тонкая боль за ухомъ заставила меня, вздрогнувъ, соскочить съ постели и схватиться за больное мѣсто. Но подушкѣ быстро удиралъ скорпионъ. Злое насѣкомое, разогрѣтое этими же теплыми лучами весеннего солнца, нарушило мое свѣтлое міросозерцаніе! Понявъ въ чемъ дѣло, забывъ о зломъ скорпионѣ, я первымъ деломъ схватилъ бутылочку съ деревяннымъ масломъ, сохранившимся у меня для чистки оружія, и старательно намазалъ укушенное мѣсто, гдѣ сейчасъ же образовалась маленькая опухоль. Г... проснулся и нервно сталъ искать скорпионовъ въ своей кровати. Затѣмъ я вооружился циркулемъ и стаканомъ и предпринялъ охоту на бѣжавшаго врага. Послѣ долгихъ и осторожныхъ стараній я открылъ скорпиона въ складкахъ простыни уже въ погахъ, схватилъ его циркулемъ и бросилъ въ стаканъ, гдѣ онъ и теперь мечется, но уйти не можетъ. Скорпионъ еще молодой, небольшой, около дюйма отъ плечей до конца хвоста, гдѣ помещается тончайшее жало, загнутое какъ шило у сапожниковъ. Укусъ ихъ въ настоящее время совершенные пустяки, въ концѣ же юлія и въ августѣ гораздо серьезнѣе. Но препротивное насѣкомое, да еще въ постели. Сегодня же начнется генеральная чистка и выбивка кроватей; если это молодой скорпионъ, то можетъ быть ихъ и дѣлое семейство обрѣтается — отъ этого сонъ пріятнѣе не будетъ. Иванъ и сарты очень взволнованы этимъ случаемъ. Видно, злое насѣкомое согрѣвалось за моимъ ухомъ и когда я шевельнулъ головой, оно укусило меня и бросилось бѣжать. Укусъ произвелъ ощущение, какъ будто разъ-другой коснулись тѣла тонкой раскаленной проволокой. Теперь я съ удовольствіемъ дразню кончикомъ циркуля эту злюку и наблюдаю какъ оно бьетъ ядовитымъ хвостомъ по стѣшкамъ стакана, при чемъ очень ясно видно, какъ выступаетъ шилообразное жало. Все-таки, съ непривычки, на первы дѣйствуетъ этотъ случай, и Г... ругаетъ весь Туркестанъ, а же успокоиваю его тѣмъ, что въ степи познакомимся еще съ массой фалангъ, а въ Фер-

ганѣ онъ увидитъ маленькаго чернаго паука «каракуртъ», укушеніе котораго почти всегда смертельно, и тогда скорпионъ покажется одной прелестью.

6 марта.

Вчера утромъ проводили мы Г... къ Фергану, куда онъ получилъ назначеніе. Я нанялъ извозчика, чтобы доѣхать съ нимъ до первой станціи.

Сборы въ путь, заѣздъ къ знакомымъ, все это задержало нашъ выѣздъ до 4-хъ часовъ. Наконецъ, тропули. Дорога отъ города до станціи Гирчакъ по качеству пути прескверная; когда то шоссированная, она до того избита арбами, образовавшими глубокія колеи и, кромѣ того, усыпана камнями, довольно крупнымъ булыжникомъ, когда то представлявшимъ мостовую. Но обсаженная большими деревьями, пересѣкая по дырявымъ мостикамъ нѣсколько живописныхъ арыковъ и вся оживленная строеніями, базариками и слующимъ людемъ, она представляетъ веселую картинку восточной жизни; а тутъ еще и освѣщеніе заходящимъ солнцемъ, красиво и оригинально. На шестой верстѣ остановка: передняя ось тарантаса сломалась по срединѣ, ѣхать далѣе не возможно. Ямщикъ выпрягъ лошадей, Хабибъ, человекъ Г... побѣжалъ нанимать арбу, чтобы перегрузить вещи. Мы рѣшили все-таки, что возвращаться въ Ташкентъ не слѣдуетъ, а нужно не унывая трогать впередъ до станціи, тамъ взять перекладную и ѣхать въ Маргеланъ. Кругомъ собралась любопытная толпа и осматривала ось, выражая сожалѣніе о такомъ несчастіи. Перегрузивъ вещи и отправивъ ихъ на арбѣ впередъ, тронули и мы. Г... и Саттаръ-Ханъ на моемъ извозикѣ, а я за недостаткомъ мѣста забрался на верблюда проходившаго мимо каравана и гордо возсѣлъ на спинѣ «корабля пустыни». Отличное животное это очень спокойное на ходу; такъ мягко качаетъ, говорятъ что отъ этой качки можно почувствовать морскую болѣзнь, но на меня нисколько не подѣйствовало — думаю, что это пустяки. Рысью верблюда порядочно трясетъ, но сидѣть все-таки можно отлично. По дорогѣ видѣлъ я зрѣлище тяжелое, это ниція прокаженныя женщины, просившія въ одномъ мѣстѣ по пути милостыню. Около Ташкента есть тоже дѣльскій кышлакъ прокаженныхъ; они живутъ совершенно отдѣльно и, иногда, въ базарный день выходятъ на дорогу, не переходя камавы, за милостыней. Здѣсь ихъ было четыре женщины, я поспѣшилъ бросить имъ съ верблюда бывшую со мной мелочь и невольно отвернулся, чтобы не видѣть эти ужасныя, изъѣденныя проказой лица в руги. Народъ боится прокаженныхъ, онъ никогда не будетъ

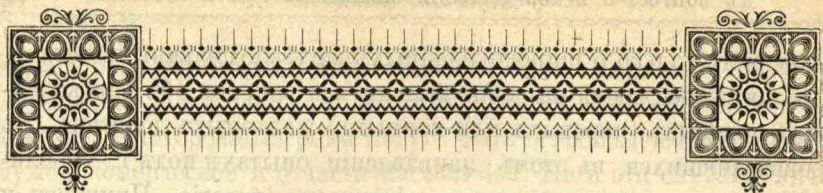
смѣяться и оскорблять ихъ, молва говорить, что если прокаженный обругаетъ кого, призоветъ проклетіе неба, то тотъ человекъ навѣрно самъ сдѣлается прокаженнымъ. Бѣднякъ и тотъ старается дать что-нибудь этимъ, по-истинѣ несчастнымъ, существамъ. Женщины эти сидѣли на землѣ, покрытыя какими-то бѣлыми покрывалами; я изда-лека обратилъ вниманіе на эту группу и думалъ, признаться, не прелестныя ли это дщери востока, но вожакъ каравана, ѣхавшій впе-реди на лошади, замѣтя, вѣроятно, вниманіе мое, обратился ко мнѣ: «горя бу яманъ, махао дуръ» — т. е. скверно это, это прокаженный». Проказа называется здѣсь махао.

Такимъ образомъ доѣхали мы до р. Чирчика. Громадное про-странство, устланное галькой и болѣе крупными камнями; среди него только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быстро текла нѣсколькими рус-лами эта горная рѣка. Во время таянія снѣговъ рѣка заполняетъ все это каменистое пространство, сносить мостъ и дѣлается непроходи-мой. Мы подъѣхали къ мосту, который чинился, вѣроятно для того, чтобы въ іюнѣ быть снесеннымъ. По мосту пускали только пѣшихъ. караванъ же, конные люди и вещи на арбахъ переправляются въ бродъ. Очень интересна и красива эта переправа, въ особенности черезъ среднее широкое русло; теперь она не опасна, но чуть больше воды — и дѣло очень серьезно. Идя по мосту, смотрѣли мы какъ пере-правлялись вещи, иногда казалось, вотъ вотъ снесетъ, но вещи переѣхали благополучно. Затѣмъ переправлялся караванъ, состоявшій изъ верблюдовъ, лошадей и ословъ; красиво, рѣзко выдѣлялись си-луэты животныхъ въ чистомъ вечернемъ воздухѣ. На востокъ горы покрыты снѣгомъ, на западъ разстилалась безконечная равнина. Общая картина напоминала мнѣ Терекъ около Владикавказа, къ тому же Чирчикъ также грозно шумитъ. Солнце совсѣмъ уже закатилось, когда мы пѣшкомъ дошли до станціи и долго еще сидѣли здѣсь на крылечкѣ; ночь наступала быстро, ярко загорались звѣзды. Холодный вѣтерокъ съ рѣки заставилъ забраться въ комнату для пробѣжающихъ; конечно, закипалъ самоваръ, Г... вынулъ дорожную закуску свою и мы рѣшили остаться до разсвѣта на станціи. Утромъ проводили мы Г... и побрели назадъ, частью пѣшкомъ, частью на арбѣ.

М. Шлуттеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

(Отрывки изъ стараго дневника).

(Окончаніе) ¹⁾.

25-го марта.

В насъ все зелено, благоухаетъ. Я въ первый разъ вижу, какъ цвѣтутъ урюкъ и персики; эти деревья покуда безъ листьевъ, но буквально всѣ покрыты розовыми, бѣлыми цвѣтами и издалека производятъ впечатлѣніе одного громаднаго цвѣтка. Массы пчелъ жужжатъ вокругъ деревьевъ этихъ, появились майскіе жуки и бабочки. Весна наступила, а для меня такъ просто жаркое лѣто; всѣ эти дни въ полдень на солнцѣ около 40°. Въ 5 часовъ вечера, вчера въ тѣни было 23°. Безоблачное синее небо великолѣпнымъ фономъ господствуетъ надъ всей разцвѣтающей природой, но жителямъ нуженъ дождь; въ это время онъ всегда бываетъ въ этихъ краяхъ, а теперь стоитъ жара и трава подымается плохо. Всѣ боятся, чтобы не спалило. Каждый день мимо меня тянутся верблюды, нагруженные юртами и всякимъ домашнимъ скарбомъ; это киргизы уходятъ на приволье въ степи, на кочевку. Я самъ собираюсь скоро выкочевать въ свою Булатовскую волость. Вчера я нанялъ переводчика; Айнанъ Валидъ, таково имя его, будетъ также служить поваромъ. Покупаю также третью лошадь для переводчика.

Иванъ, вѣроятно, пойдетъ съ арбой, потому что, все-таки, надо захватить съ собой кое-какія вещи. Арба идетъ версть 6 въ часъ и стоитъ здѣсь новая рублей 15. При громадныхъ колесахъ (діаметръ сажень и болѣе) и при очень хорошемъ ходу, арба проходитъ вездѣ,

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1902 г., № 2.

поднимаетъ грузъ до 40 пудовъ; тянуть ее безъ особаго усилія одна лошаденка, самъ возница-арбакешъ сидитъ на ней верхомъ. Но ничто не въ состояннн такъ испортитъ всякую дорогу, какъ прохожденіе многихъ арбъ; я очень хорошо испыталъ это при поѣздкѣ въ Самаркандъ; арбы оставляютъ колеи въ аршинъ глубины по всѣмъ направленіямъ и ѣхать въ европейскомъ экипажѣ по такому пути неспосно.

27-го марта.

У насъ стоитъ жара порядочная и дождя не было ни капли, а опъ очень нуженъ. Кромѣ того, и арыки стояли эти дни сухими; вода изъ главныхъ, большихъ арыковъ, такъ сказать, главныхъ артерій орошенія, была заперта для того, чтобы жители чистили малые, мельчайшіе арыки, безконечно развѣтвляющіеся; это дѣлается каждую весну, въ мартѣ. Я наблюдаю нашъ маленькій арыкъ, проходящій передъ окнами и обсаженный деревьями. Деревья распустились, но подѣ влияніемъ жаркихъ лучей, молодая зелень замѣтно стала вянуть. Сегодня утромъ пустили арыки и все подбодрилось и еще ярче зазеленѣло, благодаря подпочвенному орошенію. Сегодня, увидавъ джигитовъ своихъ, Керима и Курбана, я пришелъ въ ужасъ: у Курбана изрѣзано лицо и запеклась кровь, у Керима продолбленъ затылокъ. Оказалось, что не въ бою, а сами отдѣляли они себя по доброму желанію, ибо пришла весна и для здоровья необходимо пустить кровь головой. Иванъ съ высоты своихъ фельдшерскихъ знаній съ полнымъ презрѣніемъ отнесся къ такой гигиенѣ. Сами джигиты чрезвычайно довольны.

30-го марта.

28-го числа я отправился въ первый объѣздъ по участку. Часовъ въ шесть утра тронулся изъ Ташкента и въ этотъ же день, часовъ въ 8 вечера, вернулся обратно. Считая часа три на отдыхъ и кормленіе лошадей, я провелъ верхомъ 11 часовъ, сдѣлавъ приблизительно 60 верстъ. Такой моціонъ съ непривычки и въ очень жаркій день (на солнцѣ было около 40°), я думалъ, утомитъ меня болѣе, но только ноги ужасно устали и затекли въ сѣдлѣ. Я осмотрѣлъ два аульныхъ общества Булатовской волости, именно Кинсайское и Джартъ-Тюбинское, до границы его по р. Су-Келесу. Общества эти частью осѣдлыя, частью кочевыя, такъ что были и въ сакляхъ и въ юртахъ. Общій характеръ мѣстности степной, почти безъ травы, отъ царящей засухи. Только тамъ и сямъ у разныхъ курганчей (ма-

ленькихъ кишлаковъ, часто въ одну саклю, окруженную высокимъ глинянымъ заборомъ) видны небольшія отдѣльныя купы деревьевъ; садовъ нѣтъ. По арыкамъ и въ сторонѣ отъ нихъ идутъ пашни, теперь имѣющія самый печальный видъ и специально засѣянные американскимъ хлопкомъ. На пашняхъ еще нѣтъ зелени и арыки сухіе, ввиду ихъ чистки. Общій видъ земной поверхности желтосѣрый, пустынный; ярко-зелеными пятнами разбросаны курганчи, какъ маленькіе оазисы, и надъ всѣмъ этимъ громаднымъ пространствомъ раскинулось темно-синее небо, безоблачное, глубоко-прозрачное, палящее. Гдѣ-нибудь высоко, въ этой синевѣ, черной точкой паритъ коршунъ. По степи напрямикъ, двигается группа людей; впереди, въ бѣломъ кителѣ и фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ, ѣдетъ ровнымъ ходомъ самъ комисаръ; около труситъ переводчикъ и аульный старшина — киргизъ, показывающій границы своего участка, сзади джигитъ и нѣсколько киргизъ на лохматыхъ лошаденкахъ своихъ, — это тоже чины аульной администраціи, бии, пятидесятники. Вотъ общая картинка моего движенія по степи. По пути постоянно попадаются земноводныя черепахи, величиной до 1 фута, грѣющіяся на солнцѣ; быстро бѣгаютъ граціозныя ящерицы, довольно большія и красивыя, да посвистываетъ, гдѣ-нибудь на бугоркѣ, рыжій сусликъ.

Около арыка и кишлака больше жизни; первое, на что обращаетъ вниманіе, это аисты (ляйлакъ). Въ степи еще издалека, почти на горизонтѣ видишь рѣзко выдѣляющіеся силуэты пасущихся верблюдовъ; подъѣдешь къ нимъ ближе и чудесное животное это подымаетъ свою длинную шею и такъ внимательно, такъ долго и пристально смотритъ на тебя и все время провожаетъ своимъ умнымъ, добрымъ взоромъ. Въѣздъ изъ степи въ городъ очень живописенъ, благодаря безконечнымъ садамъ; ѣдешь версть 6 какъ по алеѣ, а теперь все цвѣтетъ, урюкъ, вишни черешни, персики, миндаль; есть сирень и начинается цвѣсти бѣлая акація, все это благоухаетъ и даетъ прохладную тѣнь. Солнце яркими пятнами пестритъ дорогу, которая начинаетъ оживляться ѣдущими верхомъ на лошадяхъ и на ослахъ всадниками, въ халатахъ, чалмахъ и тюбетейкахъ; часто встрѣчаются арбы, биткомъ набитыя закутанными сартянками, съ массой дѣтей и пестрыхъ ватныхъ одѣялъ.

Откуда-то изъ садовъ доносится сладковатый, непріятный запахъ тайно приготовляемой бузы (водка изъ проса). У самой дороги, выступающая впередъ своимъ досчатымъ помостомъ, подъ которымъ журчитъ небольшой арыкъ и надъ которымъ раскинулся гро-

мадный, тѣнистый карагачъ, пріютилось чай-хане. Здѣсь тоже оживленная толпа халатниковъ: сидятъ на корточкахъ и пьютъ чай. Тутъ же привязаны лошади и воздухъ постоянно оглашается шумомъ подравшихся жеребцовъ. Солнце спускается все ниже и ниже; начинаются глиняные проулучки, сады остались сзади, чувствуется глиняная громада азіатскаго Ташкента и отвратительно пахнетъ поджареннымъ кунжутнымъ масломъ.

III. В ъ степи.

Лѣто 1887 года мнѣ пришлось провести, по дѣламъ службы, среди киргизъ, частію совершенно кочевыхъ, частію же уже покинувшихъ этотъ образъ жизни и осѣвшихъ на землю, т. е. сдѣлавшихся земледѣльцами, пользуясь водой изъ протекающихъ сѣверо-восточнѣе Ташкента, и впадающихъ въ Сыръ-Дарью, рѣчекъ Су-Келеса (воднаго Келеса) и Крукъ-Келеса (сухаго Келеса). Много интереснаго видѣлъ я среди этой совершенно новой для меня обстановки, среди степи съ ея своеобразной природой и столь же своеобразными нравами и обычаями ея обитателей киргизъ-кочевниковъ.

Съ другой стороны пришлось наблюдать тотъ интересный фактъ, какимъ образомъ, чисто кочевая жизнь постепенно мѣняется, уступая мѣсто осѣлости. Множество разнообразныхъ условій, каковы, напримѣръ, умиротвореніе степи, близость большихъ торговыхъ центровъ, другія времена и выгоды, заставляютъ кочевниковъ бросать прежній, испоконъ вѣковъ ведшійся ихъ предками, образъ жизни и радикально измѣняться, берясь за соху и столь сложное дѣло иригаціи полей.

Всякій населенный пунктъ (оазисъ) Средней Азіи, беря за центръ его базаръ, окруженъ нѣсколькими концентрическими сельско-хозяйственными зонами. Центръ окружаетъ зона садовъ. Ширина ея крайне разнообразна; затѣмъ идетъ зона правильнаго полеводства осѣдлаго населенія; здѣсь строго опредѣлены земельные участки и обычное, выработанное вѣками, право пользованія водой, до тонкости извѣстно населенію. Мираб-баши, выборные надсмотрщики за иригаціей, не обладая никакой ученой технической подготовкой, отлично знаютъ всѣ тонкости своего сложнаго дѣла, и очень часто ставятъ въ тупикъ нашихъ ученыхъ иригаторовъ. Въ этой зонѣ расположены большія селенія, называемыя здѣсь киш-лаками, что собственно значитъ зимовка; очевидно, слово остав-

шея отъ кочеваго быта. Здѣсь господствуетъ арба, громадными колесами своими невозможно портящая узенькіе, грязные проулки между безконечными глиняными заборчиками, называемыми здѣсь дувалами. Зона эта обыкновенно очень рѣзко отдѣляется отъ слѣдующей. Переѣдешь какой-нибудь крайній арыкъ и вся культура осталась позади, а впереди уже растилается повидимому безжизненная степь. Но это еще не настоящая степь, не пустыня—это интересная зона перехода кочевника-киргиза къ осѣдлости. Часто пройдя значительное пространство по степи, переваливъ незамѣтный гребень, снова вступаешь въ культурную полосу, обыкновенно узенькой лентой выщущая вдоль какого-нибудь новаго арыка, или новаго воднаго источника. Интенсивность культуры уже не та, что осталась позади. Поля неправильной формы, посѣвъ видимо брошенъ не рукой опытнаго земледѣльца. Арыки имѣютъ несчастный видъ и право пользованія водой видимо не жидется еще на строгихъ постановленіяхъ адата. Не разъ приходилось мнѣ наблюдать почти траги-комическую сцену: въ головѣ какого-нибудь отводнаго на поля арыка встрѣчаются два киргиза, начинается безконечно долгая ругань; очевидно, они заспорили о водѣ. Затѣмъ разсвирѣпѣвшіе соперники гнѣвно, въ послѣдній разъ, взглядываютъ другъ на друга, быстро снимаютъ халаты, чтобы въ дракѣ не разорвались, и немедленно вступають въ единоборство. Яркое солнце освѣщаетъ эти коричневые торсы, эти натянутые мускулы и часто дѣлаетъ борцовъ похожими на бронзовыя изваянія. Подерутся и разойдутся, мирно надѣвъ свои халаты. Но, къ несчастію, дѣло кончается иногда и гораздо серьезнѣе. Здѣсь нѣтъ большихъ кишлаковъ, здѣсь повсюду торчатъ отдѣльныя курганчи, глиняныя постройки, часто двухъ-этажныя, осѣненные небольшой купой деревьевъ, или же аулы, состоящія изъ войлочныхъ «юртъ». Покуда въ нихъ ютятся «игинчи», бѣдные киргизы-землепашцы; болѣе богатые, хозяева ихъ, не могутъ еще разстаться съ привольемъ кочевой жизни и на лѣто уходятъ со своими стадами въ степь, и только къ осени вернутся сюда. Здѣсь рѣдки арбы и нѣтъ глиняныхъ лабиринтовъ дуваловъ; здѣсь все уже дышетъ просторомъ пустыни и дѣйствительно далѣе уже растилается послѣдняя зона—степь, гдѣ кочуютъ круглый годъ, перегоняя съ мѣста на мѣсто свои стада, коренные кочевники и выходятъ на лѣто вышеупомянутые полу-кочевники. Наружныхъ границъ эта зона не имѣетъ—это вся пустынная ширь средне-азиатской равнины. Въ двухъ послѣднихъ зонахъ мнѣ и пришлось пробыть лѣто 1887 г.

Въ моихъ замѣткахъ, носящихъ чисто субъективный характеръ, я касаюсь только личныхъ моихъ впечатлѣній жизни въ степи, въ войлочной юртѣ, въ открытый «тюндюкъ» (верхнее отверстіе) которой, я какъ изъ купола обсерваторіи, такъ часто могъ любоваться тихимъ серебряннымъ сіяніемъ этихъ чудныхъ, южныхъ ночей.

Выйжая изъ Ташкента, я не зналъ, гдѣ будетъ пунктъ моей болѣе или менѣе продолжительной остановки, изъ которой я бы могъ уже дѣлать поѣздки по разнымъ частямъ моего громаднаго участка. Такой резиденціей на первые два мѣсяца оказался маленькій кишлакъ Мангутъ (киргизское селеніе рода Мангутъ) на берегахъ Су-Келеса, верстахъ въ 70-ти по прямой линіи отъ Ташкента.

22-го апрѣля.

Въ 11 час. утра, тронулъ я изъ Ташкента, направляясь черезъ весь азіятскій городъ къ р. Су-Келесу. Обозъ состоялъ изъ трехъ арбъ, въ послѣдней ѣхалъ мой Иванъ и вѣрный песъ «Умникъ», простая черная дворняшка, взятая у Саттаръ-Хана для охраны будущихъ нашихъ кочевковъ. Я ѣхалъ впереди верхомъ, сопровождаемый джигитомъ, переводчикомъ и проводникомъ.

Пройдя городъ и окружающіе его сады, дорога потянулась по еще довольно обработанной мѣстности. Кое-гдѣ путь пересѣкалъ арыкъ, кругомъ виднѣлись пашни. Затѣмъ по направленію къ Алтын-овской волости долгое время тянулась степь, съ небольшою растительностью. По этому направленію не видно было ни кишлаковъ, ни курганчей. Послѣдній кишлакъ и арыкъ, оставшійся позади, былъ Дамъ-арыкъ. Недостатокъ воды заставляетъ отличную лесовую почву, вплоть до самаго Келеса, оставаться голой степью, покуда еще покрытой кое-какой травой, начавшей уже сильно выгорать.

Солнце пригрѣваетъ знатно, однообразный унылый видъ степи въ полдень нагоняетъ жестокою сонливостью. Болтался я въ сѣдлѣ и, наконецъ, забрался спать въ арбу, посадивъ Ивана на лошадь. Движеніе арбы чрезвычайно медленно (мы шли не болѣе 4-хъ верствъ въ часъ), тряско, но верхъ изъ циновки даетъ тѣнь, даже прохладу, и я спалъ себѣ сладко почти до самаго Келеса.

Земноводныя черепахи, кажется, единственное животное, населяющее эту степь. Киргизы рассказываютъ слѣдующую легенду о происхожденіи черепахи. Въ старину былъ одинъ торговецъ, постоянно надувавшій на вѣсахъ приходившихъ къ нему покупателей. Обмѣръ въ торговлѣ величайшій грѣхъ передъ Аллахомъ. И

вотъ разгнѣванный Аллахъ взялъ торговца, заключилъ его между двухъ чашекъ его невѣрныхъ вѣсовъ и бросилъ его пресмыкаться въ пустынь. Потомство этого наказаннаго высшимъ правосудіемъ грѣшника и есть черепаха, броня которыхъ дѣйствительно напоминаетъ двѣ сложенные вмѣстѣ чашки вѣсовъ.

Переправившись въ бродъ черезъ Келесъ, глубиной по брюхо лошади и довольно быстрый, сразу стало видно, что почва орошена: пошли пашни, арыки и небольшіе кишлаки. Слѣдуя по арыку Аранча, мы къ 5-ти часамъ вечера добрались до кишлака Янги-Базаръ; тутъ я рѣшилъ остаться ночевать. Остановка для большого привала всегда дѣйствуетъ живительно; вытаскивается провизія, аппетитъ возбужденъ долгимъ постомъ и моціономъ; поставленъ самоваръ и готовится горячая пища, въ данномъ случаѣ шурпа, т. е. бараній бульонъ. Кишлакъ имѣетъ совершенно пустынный видъ, базарикъ закрытъ, онъ оживляется лишь въ извѣстные дни недѣли; открыта только одна чай-хане (средне-азіятскій трактиръ), гдѣ я и заночевалъ, и сонъ мой былъ спокоенъ отъ сновидѣній и насѣкомыхъ.

23-го апрѣля.

Прохладный, сѣрый день благопріятствуетъ дальнѣйшему движенію. Опять въ сѣдло. Передъ отъѣздомъ привезли въ подарокъ цѣлый бурдюкъ кумысу. Это мой переводчикъ до Янги-Базара прислалъ съ братомъ изъ своего аула, вѣроятно тронутый тѣмъ, что получилъ хорошо на чай. Чрезвычайно типиченъ этотъ киргизъ на лохматой лошаденкѣ, въ остроконечной войлочной шапкѣ и съ ястребомъ на правой рукѣ.

Вѣхали въ Алтыновскую волость. Сейчасъ же явился старшина Бешъ-Абдальскаго аульнаго общества, Дисса-Бай, и проводжалъ по своему участку. По всей долинкѣ Келеса видны пашни, тамъ и сямъ разсѣяны отдѣльныя курганчи и юрты. Здѣсь поселены киргизы, перешедшіе къ земледѣлію, но все еще помнящіе привольную жизнь кочевника и живущіе лѣтомъ въ своихъ юртахъ. Деревьевъ не видно, все открытое поле; гдѣ то найду себѣ порядочное мѣстопробываніе?

Въ 2¹/₂ часа пріѣхали въ кишлакъ Ыръ-Гакты. Небольшая роща около глиняной мечети и нѣсколько разбросанныхъ кругомъ деревьевъ. Я сталъ разспрашивать жителей объ ихъ посѣвахъ, орошеніи и проч. Между прочимъ, мнѣ сообщили, что далѣе внизъ по Келесу будутъ сады, что въ аулѣ Мангутъ живетъ самъ волостной

управитель. Тогда я рѣшилъ избрать этотъ самый Мангутъ своимъ мѣстопробываніемъ, и двинулся дальше. Дѣйствительно, мѣстность внизъ по рѣкѣ и вообще по всей узкой долиинѣ Келеса гораздо велелѣе. По серединѣ идутъ пашни, больше джугара (родъ проса), а по краямъ долины разсѣяны зеленныя роицы и кишлаки: Тіакты (2 кишлака), Кіятъ, Найманъ (3 кишлака), Мангутъ, Уймаутъ, все названія киргизскихъ родовъ. Переходъ отъ Ыръ-Гакты въ 8 верстъ. Уже около самага Мангута пришлось переѣзжать распаханную и изрѣзанную арыками долину безъ всякихъ дорогъ. Арбы страшно замедляли движеніе, потому что приходилось двумъ рабочимъ изъ Кіята разравнивать мотыгами (кетмень) валики у арыковъ и, такимъ образомъ, давать возможность проходить арбамъ. Въ 7 часовъ уже было темно, когда мы прибыли въ Мангутъ среди оглушительнаго лая киргизскихъ собакъ. Сельскія власти не знали о времени моего прибытія и много разъ извинялись, что нѣтъ порядочнаго помѣщенія. Пришлось переночевать въ первой попавшейся юртѣ, на самомъ берегу Келеса.

24-го апрѣля. Ауль Мангутъ.

Аульская администрація чрезвычайно любезна; съ ея помощью я выбралъ тѣнистый уроковый садъ, гдѣ намъ и поставили лучшія юрты, одну для меня, другую для людей. Расположился удобно. За юртами устроена въ землѣ кухня; подъ тѣнью деревьевъ стоятъ въ пестрыхъ пополахъ мои три лошади. Въ аулѣ Мангутъ живетъ самъ минбаша (волостной управитель); покуда его здѣсь нѣтъ; по случаю выборовъ всѣ вообще сельскія власти въ городѣ. Рѣчка Су-Келесъ проходитъ недалеко, въ обрывистыхъ берегахъ; вода чрезвычайно мутная и непріятная на вкусъ. День не жаркій, въ 2 часа дня на солнцѣ только 25° R. Затѣмъ подулъ свѣжій вѣтеръ и нагналъ небольшой дождь, впрочемъ, скоро прошедшій. Въ 6 часовъ вечера температура 14° и небо облачное. Относительно питанія еще не устроился. Приводили барана, но насъ всего четверо и не имѣя льду, больше половины мяса навѣрно пропадетъ. Покуда питаемся курами. По средамъ и субботамъ въ Ыръ-Гактѣ и Уймаутѣ бываютъ базарики, куда можно будетъ посылать за провизіей.

Шагахъ въ 50 передъ моею юртою, въ какомъ то камышовомъ шалашикѣ живетъ киргизское семейство, выдѣлывающее грубые ковры и паласы. Конечно, этимъ дѣломъ заняты однѣ лишь женщины, вообще составляющія у киргизъ главную рабочую силу. Цѣлый день, сидя на корточкахъ передъ шалашикомъ и не зная отдыха, ткнутъ онѣ свои прочныя, не лишеныя своеобразнаго вкуса и ри-

сунка произведенія. Киргизы привезли на вьюкъ свѣжей лоцерны (дженушка), которой и стали кормить своихъ лошадей. Со страшной жадностью, такъ сочно и вкусно ѣдятъ онѣ этотъ свѣжій кормъ; сюда доносится звукъ жующихъ лошадей. Кругомъ полная тишина, нарушаемая только чиликаемъ птицъ; среди дня куковала кукушка, напоминая далекую Россію.

Но превосходная вещь обиталище кочевника—войлочная юрта. Широко, просторно и удобно. Остовъ юрты состоитъ изъ «карега», легкихъ рѣшетчатыхъ, разставляемыхъ по кругу и скрѣпляемыхъ шерстяной веревкой, стѣнокъ, къ которымъ привязываются длинныя, тонкія, изогнутыя жердочки, образующія остовъ купола. Въ верху онѣ соединяются деревяннымъ обручемъ, составляющимъ верхнее отверстіе, тазъ, называемый «тюндюкъ». Поверхъ остова натягивается войлокъ; тюндюкъ закрывается особой войлочной же крышкой, къ угламъ которой привязываются длинныя веревки, позволяющія снизу надвигать или отодвигать крышку. Мѣсто соединенія боковыхъ стѣнокъ съ жердями купола затягивается внутри юрты особой киргизской дорожкой (узенькій длинный паласикъ), часто весьма красиваго рисунка. Размѣры юртъ крайне различны; моя имѣетъ, напримѣръ, около семи аршинъ въ діаметръ, высота до верхняго круга около пяти аршинъ. Входное отверстіе, въ ростъ человѣка, закрывается тяжелымъ войлокомъ, который при открытой двери скатывается вверхъ валикомъ. Все это строеніе стягивается и скрѣпляется слабой веревкой изъ верблюжьей шерсти и стойкостью своей выдерживаетъ какую угодно непогоду. Оно быстро ставится и также быстро разбирается, ловко складывается и вьючится обыкновенно на верблюдовъ. Киргизки особая мастерицы этого дѣла, никто такъ ловко не поставитъ юрту, какъ онѣ. Въ жару полы юрты подымаются чтобы продувало. Въ теплыя ночи тюндюкъ остается открытымъ и черезъ него глядитъ на вась кусочекъ темнаго неба, мерцающаго своими безконечно далекими звѣздочками. Въ знойный день, когда поразительно рѣзкіе переходы отъ свѣта къ тѣни страшно утомляютъ взоры, внутри юрты царитъ ровный, спокойный золотистый свѣтъ и относительная, конечно очень относительная, прохлада. Во время дождя юрта, правда, неприятна, она сильно пахнетъ намокшей шерстью, но никогда не протекаетъ.

Надъ самымъ входомъ въ юрту раскинулся старый темно-зеленый карагачъ, съ такой густой листвою, что никакой солнечный лучъ не можетъ проникнуть туда. На немъ гнѣздятся, чиликаютъ и суетятся какія-то маленькія птички и между прочимъ живутъ неболь-

шія сѣро-стальные змѣи. Сегодня я наблюдалъ какъ, обвинившись половиной туловища за сучекъ, опустивъ другую половину внизъ и изогнувъ горизонтально маленькую плоскую голову, такая змѣйка своими холодными гипнотизирующими глазами выслѣживала какую-то невидимую мнѣ жертву. Конечно, выстрѣлъ бекасинникомъ пополамъ разорвалъ это злое существо. Но Боже мой, какой гвалтъ поднялся надъ деревомъ, все птичье населеніе этихъ дебрей всполохнулось и долго не могло успокоиться, видимо страшно пораженное невѣдомымъ имъ звукомъ выстрѣла. Киргизскіе псы, полукругомъ сидѣвшіе по отдалу отъ кухни, съ визгомъ помчались въ ауль, старая киргизка, видимо жестоко ругаясь, выскочила изъ камышеваго шалашика, лошади забились на коновязи, и мнѣ стало досадно, что я нарушилъ эту невозмутимую, подь часъ гнетущую, тишину киргизскаго аула въ полдень.

Вечеръ. Изъ-за юрты людей слышу голосъ Ивана, онъ что то гадаеть по рукѣ переводчику и самъ смѣется больше всѣхъ. Заходящее солнце красиво освѣщаетъ темной позолотой густую зелень урюка. Настала ночь, зажегъ свѣчи и «предаюсь своимъ мечтамъ». Иванъ теперь громко читаетъ переводчику рассказъ Лѣскова «Некрещенный попъ» и иногда такъ смѣется, просто ржетъ, что не могу и я удержаться. И здѣсь, какъ въ Россіи, изъ кишлака доносятся пѣніе, совсѣмъ похожее на наше деревенское; за дальностью разстоянія нельзя разобрать мотива, слышенъ только общій тонъ и отдѣльныя высокія нотки, какъ бы подголоска. Ночныя бабочки, жучки и различная мошкара цѣлыми роями налетаютъ въ юрту, на свѣтъ, и погибають въ пламени свѣчи. Постоянно приходится очищать фитиль, иначе свѣчи текутъ и почти гаснутъ.

Полная луна, часто проглядывая сквозь ползущія облака, фантастически освѣщаетъ весь садъ. Изъ аула, не умолкая, слышенъ лай славныхъ киргизскихъ псовъ. «Умникъ» постоянно выбѣгаетъ изъ юрты, поворчитъ на кого то и снова укладывается, безконечно возясь и вздыхая.

25-го апрѣля. Мангутъ.

Переводчикъ ѣздилъ на базаръ въ Үрѣ-Гакты. Досталъ кое-какой провизіи, чѣмъ и будетъ разнообразиться мой столъ. Кумысу здѣсь нѣтъ, а въ Ташкентѣ былъ отличный, впрочемъ, киргизы общали достать. Мнѣ казалось утромъ, что началась легкая лихорадка, пять гранъ хины, принятые во время, совершенно поправили мое здоровье. Вѣда здѣсь относительно питья; вода мутная съ громаднымъ

осадкомъ и неприятнымъ привкусомъ, такъ что невольно оцѣнили походный фильтръ, присланный изъ-за границы, хотя сначала я и относился къ нему довольно скептически. Вечеромъ отправился въ поля вмѣстѣ съ нѣкоторыми жителями не изъ сельскихъ властей, и спрашивалъ ихъ по разнымъ отраслямъ хозяйства. Сначала мои жители заявили, что они ничего не знаютъ; безъ старшинъ ничего толкомъ сказать не могутъ; самимъ старшинамъ нужно подумать прежде чѣмъ отвѣчать, что слѣдуетъ. Я объяснилъ, что хочу знать лишь очень приблизительно; что придутъ межевщики (танапчи), которые все вѣрно на планъ снимутъ, тогда я и безъ нихъ все точно узнаю, но что они, земледѣльцы, говорятъ глупости, отказываясь сообщать сколько сѣютъ, сколько снимаютъ съ танапа и проч. Они заявили тогда, что собственно не имѣютъ яснаго представленія о пространствѣ занимаемомъ танапомъ (танапъ— $\frac{1}{6}$ десятины, т. е. 400 кв. сажень). Тогда я на землѣ построилъ квадратъ по 20 сажень въ сторонѣ, поставилъ по угламъ его по человѣку; такимъ образомъ, жители наглядно представили себѣ требуемый танапъ, который они, очевидно, и безъ того прекрасно знали. По этой мѣрѣ я и производилъ опросъ. Я нисколько не горячился, говорилъ съ ними просто, иногда самъ, иногда черезъ переводчика, и при многихъ, завѣдомо нелѣпныхъ, отвѣтахъ смѣялся. По немногу они становились словоохотливѣе, ихъ самихъ видимо стало интересовать; стали спорить между собой. Изъ такого опроса должно вытекать болѣе истины, чѣмъ когда спрашиваешь одного человѣка, или заранѣе сговорившихся выборныхъ. Главнымъ образомъ сѣютъ джугару (сорго); когда бываетъ больше воды, то сѣютъ просо (тарыкъ), немного льну для масла. Но, вообще, воды мало. Су-Келесъ лѣтомъ почти высыхаетъ, только одинъ арыкъ Анхаръ даетъ воду. Но теперь арыкъ этотъ прорвалъ плотину въ Ыръ-Гакты, выпустилъ всю воду въ Келесъ и поля куда стоятъ не засѣянными, а время посѣва все проходить и проходить. По самому наружному виду полей можно замѣтить, что главный посѣвъ джугара; остались старые корни и стебли и повсюду стоятъ глиняныя башеньки, аршина два высоты, для караульщикова джугара отъ птицъ. Эти башеньки прямо характеризуютъ джугарное поле.

Погода какъ и вчера, среди дня 25°, а теперь т. е. въ 10 час. вечера, только 10°. Ночи холодныя. Завтра ѣду въ ауль Уймаутъ, старшина котораго уже явился принести свой саламъ. Я обращаюсь въ форменнаго сельскаго хозяина. Работа будетъ, что очень важно въ моемъ одиночествѣ; много разъѣздовъ, много новаго и практика

для языка порядочная. Но, вообще, сегодня похоже на вчера. Опять полная луна, и пѣсни изъ аула, и лай сторожевыхъ псовъ.

26-го апрѣля.

Ночь была очень холодная, къ разсвѣту не болѣе 5°. Въ 7 час. утра я выѣхалъ въ аулъ Уймауть. Шель, держась праваго берега Су-Келеса. Берегъ этотъ, также какъ и противоположный, весь подмытъ. Образовались вертикальные обрывы, до нѣсколькихъ саженъ высоты. Дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ по самому краю такого обрыва, такъ что рискуешь обвалиться. Обрывы эти обнаруживаютъ громадныя слои лѣса (здѣшній черноземъ, но желто-сѣраго цвѣта; академикъ Миддендорфъ назвалъ его *желтоземомъ*—чрезвычайно плодородная земля при орошеніи); повсюду видны отверстія и дыры—пріютъ множества птицъ, въ особенности голубыхъ воронъ (кокь-карга) и удоновъ. Кругомъ видны пашни джугары, тарыка, льна (загырь). На этихъ пашняхъ покуда еще ничего нѣтъ; множество арычковъ стоятъ сухими, жители все ждутъ воды. На лѣвомъ берегу рѣчки тамъ и сямъ видны отдѣльныя юрты; около нихъ пасется обыкновенно нѣсколько штукъ скота, коровы, козы и поджарыя лошаденки; барановъ не видно, они гуляютъ въ степи. Проѣхали земли засѣваемые жителями аула Мангутъ; параллельно идутъ пашни аула Нойманъ. Аулъ Уймауть (смысла названія этого я тщетно добивался) видѣнъ издалека. Онъ растянулся между двумя, отстоящими другъ отъ друга версты на 1^{1/2}, группами деревьевъ. Направился сначала въ дальній аулъ. Несчастныя сакли, камышевыя юрты показываютъ полную бѣдность, хотя старшина Мурадъ-Тукманъ заявилъ, что платитъ Уймауть поземельной подати и разныхъ сборовъ 1,400 рублей. Сейчасъ же за дальнимъ Уймаутомъ мѣстность круто обрывается и внизу безъ конца тянется плоская равнина. Сырь-Дарья протекаетъ вдаль серебряной лентой, въ совершенно пустынныхъ берегахъ. У самаго подножья крутого обрыва видна какая-то лужица; старшина сообщилъ, что это ключъ Кокь-Булакъ. Тутъ же невдалекѣ видно озеро; на планѣ оно названо Курь-Кулукъ, но жители такого имени не знаютъ. Старшина сообщилъ, что этому озеру нѣтъ названія, и оно горько-соленое. Мѣстность до берега Сырь-Дарьи представляетъ болото; берега рѣки поросли небольшимъ еще зеленымъ камышомъ; кое-гдѣ остались высокіе, съ метелкой на верхушкѣ, прошлогодніе стебли.

Отдыхалъ въ ближнемъ аулѣ Аумають въ садикѣ и утолялъ жажду айраномъ (кислое молоко, разведенное водой; питье, къ ко-

тому надо привыкнуть). Разспрашивалъ жителей о хозяйствѣ и осматривалъ поля. Вернулся домой въ 2 часа, въ самый зной, и маялся до заката въ душной юртѣ.

Переходъ къ ночи чрезвычайно ощутителенъ; только скроется солнце, надо надѣвать пальто, чтобы не схватить лихорадки. Яркая ночь, полная луна, опять лай собакъ, но что-то пѣсенъ не слышно.

27-го апрѣля.

День теплый, но задуваетъ вѣтерокъ и полы юрты подняты. Нужда всему научить, воду кипятимъ и отстаиваемъ; для сохраненія ея прохладной вырыли ямы въ землѣ, куда и ставимъ глиняные кувшины. Сегодня работъ никакихъ не производилъ; лошади отдыхаютъ для поѣздки въ Джау-Сугумскую волость. Резиденція моя теперь, въ темнотѣ, имѣетъ видъ совсѣмъ главной квартиры. Покуда не взошла луна, вездѣ зажгли фонари: около кухни, гдѣ жарятъ баранину, у лошадей и около моей юрты. Иванъ укладываетъ съ переводчикомъ куржумы (переметныя сумы). Завтра въ 5 час. утра думаю выѣхать въ настоящія киргизскія кочевки, на Джау-Сугумъ, верстъ 50 отсюда. Луна громаднымъ кругомъ всходитъ на горизонтѣ, лаютъ собаки и слышно нѣміе. Вечеромъ стрѣлялъ въ цѣль изъ револьвера, но не безъ приключенія, какъ оказалось впоследствии.

28-го апрѣля.

Только въ 6 час. утра удалось выѣхать изъ Мангута. Джигить-проводникъ не нашелъ себѣ лошади, хотя съ вечера хвасталъ, что у него есть собственная, хорошая. Нашли другого проводника, киргиза Ниссанъ-Бая, и благодаря холодку быстро прошли лесовую степь, отдѣляющую русло Су-Келеса отъ Кругъ-Келеса. Я, переводчикъ Айнанъ-Валидъ и Ниссанъ-Бай, составляли персоналъ экспедиціи. Съ нами были взяты мѣдный чайникъ, куржумы съ коекакой провизіей, хлѣбъ, крутыя яйца, чай и сахаръ, и ячмень для лошадей—все съ расчетомъ на трое сутокъ. Прошли холмистую лесовую степь, покуда еще покрытую травой, начавшей уже выгорать и населенную, кажется, опять-таки одними лишь черепахами и змѣями. По пути, впрочемъ, видѣли издалека три кочевки киргизъ Алтыновской волости съ ихъ стадами барановъ, козъ и небольшимъ числомъ верблюдовъ и, наконецъ, выбрались къ устью Кругъ-Келеса, представляющему теперь топкую вонючую лужу, которая должна скоро окончательно высохнуть подъ жаркими лучами солнца. Мѣстность здѣсь также какъ въ Уймаутѣ, и вообще далѣе по

Сыр-Дарьѣ, версты на двѣ, на три, недоходя рѣки, круто обрывается, такъ что если смотрѣть по теченію, то правый берегъ будетъ казаться высокимъ, то приближающимся, то удаляющимся отъ русла, образуя очертаніями своими далеко видные мысы и заливы. Пространство отъ этого, какъ бы отошедшаго вдаль, естественнаго берега, занято заливными лугами, такъ называемыми *тугаями*, покрыто травой; кое-гдѣ видна оставшаяся отъ разлива вода, кое-гдѣ топи и протоки. По самому же низкому берегу рѣки зеленой оторочкой тянутся молодые камыши, среди которыхъ характерно торчатъ высохшіе, желтые, высокіе съ кисточкой на верхушкѣ, прошлогодніе стебли. Въ этихъ тугаяхъ множество всякой водяной птицы; конечно, преобладаютъ дикія утки; видѣлъ я также дикихъ гусей, цапель и какихъ-то длинноногихъ невѣдомыхъ мнѣ куликовъ. Врядъ-ли такое мѣсто доставитъ удовольствіе охотнику: слишкомъ уже много дичи, да еще такой доврчивой и безбоязненной, что можетъ быть самая-то прелесть охоты, выслѣживаніе и подкарауливаніе, должна пропасть и произойдетъ одна лишь дикая бойня. Въ одномъ мѣстѣ множество этой дичи произвело на меня совершенно впечатлѣніе рисунковъ, приложенныхъ къ путешествіямъ и зоологическимъ атласамъ, гдѣ въ массѣ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ представлены чуть-ли не всѣ существующія въ мірѣ породы водяныхъ птицъ. Я не особенно довѣрялъ подобнымъ рисункамъ, но здѣсь убѣдился, что это вполне возможно; прибавьте еще въ высахъ безоблачнаго неба тихо парящихъ коршуновъ, которыхъ здѣсь тоже множество, нарисуйте съ натуры эти болотца и камыши и получится картинка изъ «Всемирнаго Путешественника», изображающая видъ на разливахъ Нила или на берегу озера Цадъ. Для общей картины хотѣлось бы мнѣ добавить здѣсь тихо пробирающагося королевскаго тигра, или, съ шумомъ ломающаго камышъ, взѣрошеннаго кабана, но ни того, ни другого я здѣсь не видалъ, хотя кабановъ по тугаямъ множество; по туземному они просто называются «чүшкă». Дарьѣ величественно течетъ среди этого зоологическаго пейзажа. Лѣвый берегъ совершенно плоскій, за нимъ не виднѣется возвышеній мѣстности, какъ на правомъ, а непосредственно разстилается сначала Голонная степь, на поверхности которой кое-гдѣ видны юрты кочевниковъ, силуэты верблюдовъ и чуть замѣтной голубоватой струйкой подымается дымокъ отъ жилища, а тамъ далеко, что уже не видятъ глазъ, чувствуются мертвые пески Кизиль-Кума.

Вода въ Дарьѣ чрезвычайно мутная, почти коричневая, теченіе очень быстрое, видно какъ крутятся водоворотами быстрыя струи

воды. Если ее отстоять, то она очень вкусная и здоровая. Мы шли тугаями и по берегу Сыръ-Дарьи версть 12, до аула *Кызтыскенъ* (название, по его неприличности, не перевожу). Ауль въ нѣсколько кибитокъ стоитъ въ отдаленіи отъ Дарьи, на неширокомъ, всего то сажени въ 3, но очень глубокомъ протокѣ. Тутъ есть два досчаника (каюка), на которыхъ мы, спѣшившись, и переправились; лошади перешли вплавь. Жарко стало, мошки беспокоятъ лошадей, которыя несносно мотають головой, самому жестоко дремлется въ сѣдлѣ; версты 22 прошли; судя по картѣ, версть 30 еще осталось. Глаза устали отъ яркаго свѣта, давить виски и въ горлѣ пересохло. Подкрѣпившись въ *Кызтыскенѣ* айраномъ, тронули дальше. Круто поднялись изъ тугаевъ около мазара (гробница, кладбище) Ай-Ходжи, вблизи представляющаго изъ себя только глиняныя развалины какой то низенькой сакли, издали же со своимъ шестомъ обвѣшаннымъ разными тряпочками, довольно горделиво возвышающагося надъ крутымъ обрывомъ. Опять потянулась степь съ почти выгорѣвшей травой, только одна колючка еще процвѣтаетъ: любимое кушанье верблюдовъ. Пошли холмики, логи, овражки, часто наполненные массаами высохшаго «перекати-поле», нанесенными сюда вѣтромъ. Тишина мертвая, жарко, желаемаго аула все нѣтъ; ноги начинаютъ болѣть въ сѣдлѣ. Ниссанъ-Бей съ моей винтовкой за плечами (для пущей важности) выѣдетъ рысцей немного впередъ, привстанетъ въ сѣдлѣ, приложить руку козыркомъ къ своей тубетейкѣ и всматривается въ знойную даль. Хотя бы до какой-нибудь кочевки добраться, но ничего не видно и только плавными волнами струится передъ глазами нагрѣтый воздухъ. Спѣшились, ведемъ лошадей въ поводу и разминаемъ уставшія ноги. Тяжелъ показался мнѣ этотъ переходъ съ непривычки. Солнце палитъ немилосердно, ни малѣйшаго вѣтерка, ни малѣйшей тѣни, въ глазахъ какъ то рябитъ и зеленить, жажда мучить; несмотря на блескъ полудня сѣрой кажется степь, а желаемаго аула все «юкъ» (нѣтъ).

Ниссанъ-Бой все-таки прозѣвалъ; за однимъ изъ бугорковъ, я первый, къ общему удовольствію, открылъ кочевье небольшого аула, юртъ въ пять. Ауль дремалъ на самомъ припекѣ. Лай собакъ и бѣготня двухъ, трехъ совершенно голыхъ ребятишекъ ознаменовали наше прибытіе. Въ очень грязной и вонючей юртѣ, гдѣ пахло кислымъ молокомъ и овечьей шерстью, обрѣли мы пріютъ отъ палящихъ лучей. Къ счастью вода нашлась тутъ же, въ громадной тыквѣ. Сейчас же заварили нашъ мѣдный чайникъ и начали утолять жажду безконечнымъ количествомъ стакановъ горячаго, мутнаго чаю.

Душно, потъ лъетъ градомъ, но съ какимъ истиннымъ блаженствомъ разгибаешь усталую спину и протягиваешь затекшія ноги. Киргизы эти оказались изъ рода Алги, прибивали они изъ-за Сыръ-Дарьи, имѣють около 500 барановъ и 10-ти верблюдовъ и спѣшатъ воспользоваться кое-какой еще сохранившейся травой. Видъ они имѣють совершенныхъ дикарей, въ особенности одинъ старикъ съ какимъ то дикимъ любопытствомъ все время наблюдалъ мою особу, ощупывалъ мои вещи и почему то особое вниманіе обратилъ на бурку, которую я подослалъ подъ себя. Несмотря на духоту, часа два крѣпко проспалъ я, подложивъ сѣдельную подушку подъ голову.

Здѣсь намъ сообщили, что до аула, куда мы стремимся, недалеко. Но въ данномъ случаѣ всегда слѣдуетъ помнить, что говоришь съ киргизомъ. Отъ привычки къ громаднымъ пространствамъ своей безконечной степи, ему все кажется близкимъ, и болтаться нѣсколько лишнихъ часовъ въ сѣдлѣ для него суцая бездѣлица. Въ виду такихъ соображеній, и не желая путаться по степи ночью, я въ 3 часа, въ самый зной, тронулся дальше. Жара спадала понемногу, красивѣе, оживленнѣе становилась степь; кочевки стали попадаться чаще, и въ 5^{1/2} часовъ вечера мы доѣхали, наконецъ, до желаемого Косъ-Арала.

Въ Косъ-Аралѣ живетъ самъ управитель Джау-Сугумской волости, т. е. временно пребываетъ, ибо какъ только стада съѣдятъ въ окрестностяхъ всю траву, аулъ перекочуетъ дальше и будетъ называться уже не Косъ-Араль, а какъ-нибудь иначе, смотря по названію урочища, гдѣ онъ остановится.

Населеніе же этого аула принадлежитъ къ киргизскому роду Кунградъ. Въ данномъ мѣстѣ на Дарьѣ имѣется два песчаныхъ острова, что и значить Косъ-Араль (косъ, кошъ — пара; араль — островъ). По такимъ мѣстнымъ, часто едва замѣтнымъ отличіямъ, и называется большинство степныхъ урочищъ. Дарья проходитъ верстахъ въ трехъ отъ аула, немного ближе блеститъ озеро Чагырлы-Куль, кругомъ разстилаются громадные горизонты и взоръ теряется въ этомъ могучемъ просторѣ и шири Средне-Азіатской равнины.

Подъѣзжая къ аулу, послалъ джигита впередъ, предупредить о моемъ прибытіи. Немедленно навстрѣчу, сидя какъ-то бокомъ и пыля на всю степь, выѣхалъ киргизъ, шагахъ въ десяти слѣзъ и привѣтствовалъ меня протягиваніемъ впередъ обѣихъ рукъ и извиненіемъ, что только-что узнали о моемъ прибытіи. Самъ волостной управитель, минбаша — Турлу-Бекъ, въ городѣ, а онъ бій, братъ волостного управителя, Юнусъ-Канай, остался въ аулѣ за него.

Очень типична фигура этого киргиза: толстое заплывшее лицо, круглая бритая голова, на которой какъ-то тѣсно сидитъ тюбетейка, животъ почтенныхъ размѣровъ; въ общемъ добродушнѣйшій видъ, косые, сѣрые глаза хитро и пристально оглядываютъ васъ изъ-подлобья. Его расплывшаяся особа ясно показываетъ, что живетъ онъ въ довольствѣ; конечно, принадлежа къ администраціи, онъ и не можетъ имѣть недостатка; онъ бій, это у киргизъ народный судья. Вообще весь аулъ видимо процвѣтаетъ; есть хорошія юрты, много скота и всякаго домашняго скарба. Мнѣ отвели съ края отличную новую юрту, сейчасъ же принесли нѣсколько ковровъ, ватныхъ одѣялъ и неизмѣнный *достарханъ*, т. е. блюдо съ сушенымъ урюкомъ, изюмомъ, фисташками, кусочками обыкновеннаго сахара и проч. Бій распорядился зарѣзать барана, достать кумысу, вообще суетился и хлопоталъ страшно. Тѣмъ временемъ я занялся наблюденіемъ этой, совершенно новой для меня, обстановки настоящаго киргизскаго кочевья. Что меня вообще поразило, такъ это удаленіе ауловъ отъ рѣки, версты три, четыре, пять и болѣе (не имѣя колодезь). Объясненіе такому непонятному для меня обстоятельству я получилъ слѣдующее: вообще самъ кочевникъ употребляетъ очень мало воды, молоко баранье, верблюжье, частью айранъ, замѣняютъ ему питье, пищу свою, кузю (кашу изъ проса), онъ варитъ большую частью на молокъ же. Чай пьютъ только богатые и то рѣдко. Такимъ образомъ, въ домашнемъ обиходѣ воды требуется немного. Лошади обыкновенно все время въ тугаяхъ; стадамъ же, весь день бродящимъ въ степи, пройти 5 — 10 верстъ до водопоя сушіе пустыки. Но вода есть въ аулѣ. Каждый день всѣ ребятишки, забирая всю свободную посуду: кувшины, тыквенныя кубышки (иногда громадныхъ размѣровъ) и проч., отправляются цѣлой веселой ватагой къ рѣкѣ и приносятъ дневной запасъ воды. Между тѣмъ ставить аулъ близко къ рѣкѣ значитъ подвергать его несчастнымъ случайностямъ отъ внезапныхъ разливовъ Дарьи. Пойдетъ сильный дождь, въ горахъ отъ жаркаго дня быстро начнутъ таять снѣга, вода сейчасъ же прибудетъ, затопитъ аулъ и погибнетъ много скота. Кромѣ того, аулъ ставятъ всегда на возвышенности. Казалось бы, что можетъ сдѣлать дождь въ степи, а между тѣмъ опасность отъ дождевого потока, такъ-называемаго *силя*, очень велика.

Дождевая вода ливня, не успѣвая проникать въ сухую, выжженную какъ глина, почву, быстрыми разрушительными потоками мчится по оврагу или болѣе низкому мѣсту; смываетъ все, и бѣда аулу, если онъ попадетъ на пути такого силеваго, опаснаго можетъ

быть только на $\frac{1}{4}$ часа, потока. Ежегодно отъ него въ степи погибаетъ много скота.

Послѣдними косыми лучами золотить солнце уже остывшую степь, видно какъ подымается надъ Дарьей бѣлый туманъ; въ разныхъ мѣстахъ аула заблестали передъ юртами огоньки маленькихъ костровъ изъ кизяка, тоненькими струйками потянулся къ верху синеватый дымокъ, вездѣ готовится кузя.

Пригнали съ разныхъ концовъ стени стада барановъ; стали ихъ сортировать, отдѣлили ягнятъ отъ матокъ, барановъ, не имѣющихъ потомства, погнали въ другую сторону, стали доить; все это дѣлается ловко и быстро, главнымъ образомъ, работаютъ киргизки. Самымъ интереснымъ моментомъ было обратное соединеніе разрозненныхъ бараньихъ группъ; радостное блеяніе огласило всю степь; радость чадъ и радость родительская выразались самымъ бараньимъ образомъ.

Солнце давно уже сѣло. Въ юртѣ зажгли фонарь, но не хотѣлось сидѣть внутри. Наступившая торжественная ночь, громадное небо, зажигавшееся звѣздами, и этотъ чудный ночной воздухъ въ степи, невольно манили наружу. Принесли киргизское угощеніе—шурпа (бараній бульонъ), вареная баранина и «бешпармагъ» (пять пальцевъ, такъ называется жареная мелкими кусочками баранина, которую за неимѣніемъ вилокъ, очевидно, ѣдятъ своими пятью пальцами); все это показалось мнѣ очень вкуснымъ. Переводчикъ возился въ юртѣ и возгласъ *бузаубашъ* сразу отвлекъ меня отъ ѣды. Бузаубашъ, значить по русски фаланга. Это до омерзения противное ядовитое насѣкомое пришло на огонь. Черезъ нѣсколько времени явилось другое и, такимъ образомъ, мы изловили и убили четыре штуки. Этотъ скверный паукъ можетъ прыгать высоко и чрезвычайно храбръ; если его дразнить онъ принимаетъ оборонительное положеніе, какъ то садясь на задъ, и наровитъ самъ перейти въ наступленіе и упорно смотритъ на врага своими выпуклыми черными глазками. Фаланга желтаго цвѣта, съ яйцевиднымъ тѣломъ и длинными ногами, покрытыми отдѣльно торчащими рыжими волосиками. Челюсти т. е. жала—четыре. Насѣкомое это для меня гораздо противнѣе скорпіона и появленіе его въ значительномъ количествѣ въ юртѣ укрѣпило мое намѣреніе ночевать просто на открытомъ воздухѣ. Отстоявшихся лошадей послалъ поить на Сыръ-Дарью; не хотѣлось на ночь пускать ихъ въ тугай, а потому нажали просто молодого камышу, взамѣнъ люцерны, которой нѣтъ въ степи. Лошади ѣдятъ его очень охотно. Около юрты разослали мнѣ одѣяло, кожаную по-

душку положилъ подъ голову, завернулся въ бурку и устроился почевать подъ покровомъ звѣзднаго неба. Луна еще не поднималась. Ауль засыпалъ понемногу, только неизвѣстно отчего еще лаяли и выли собаки. Лошадямъ навѣсили торбы съ ячменемъ, и скоро все погрузилось въ сонъ. Переводчикъ и джигитъ немедленно заснули, какъ убитые. Угомонились и собаки; тишина воцарилась полная, только иногда заблѣтеть ягненокъ, зафыркаетъ и засморкается верблюды, да сочно пожевываютъ себѣ ячмень наши лошади.

Не смотря на усталость и весь день проведенный въ сѣдлѣ, не спалось мнѣ въ эту ночь. Непривычная, новая обстановка, масса впечатлѣній, это громадное звѣздное небо и ширь пустыни, все это настраивало нервы и гнало сонъ съ уставшихъ глазъ. Пустыня живетъ ночью, громадной грудью своей дышетъ она, тысячами неуловимыхъ звуковъ полна она и чудно и жутко непривычному человеку среди этой торжественно-таинственной ночи въ степи. Иногда казалось мнѣ, что лежа на поверхности земли, я вмѣстѣ съ ней лечу съ неизмѣримой быстротой въ какія то невѣдомыя эфирныя пространства. Разныя думы вереницей проходили въ головѣ моей, я, кажется, обо всемъ передумалъ въ эти одинокіе часы ночи... Луна стояла уже высоко, я всталъ и чтобы не будить джигита, самъ снялъ съ лошадей пустыя торбы, отогналъ затесавшагося ѣсть камышь верблюда, снова легъ и только къ утру, когда задулъ по степи предразсвѣтный вѣтерокъ, я заснулъ здоровымъ, брѣпкимъ сномъ.

29-го апрѣля.

Весь день провелъ въ аулѣ. Пустыня печальна днемъ, да еще жарко и душно. Въ воздухѣ стоитъ какая то сѣрая мгла. Рѣзко задуетъ вдругъ вѣтерокъ, упруго подскакивая помчится по вѣтру перекати-поле, завертятся по степи пыльные столбы, зашелеститъ сухой бурьянъ, и сразу все стихнетъ. Отъѣздъ былъ назначенъ ночью, какъ только взойдетъ луна, дабы холодкомъ пройти степь и часть тугаевъ. Лошадей съ утра отправилъ пастись въ камыши къ Дарьѣ. Днемъ наблюдалъ трудолюбіе особеннаго рода навознаго жука, который катаетъ цѣлые шарики навоза и перекатываетъ ихъ на большое разстояніе до своей норки. Опять поймали въ юртѣ порядочную фалангу, вѣроятно, тутъ ихъ цѣлое гнѣздо. Къ вечеру задулъ съ сѣвера свѣжій вѣтеръ и совсѣмъ не уютно стало въ степи, къ закату онъ еще усилился, такъ и дуетъ, такъ и свиститъ по простору; кажется, вотъ, вотъ сорветъ юрты и понесетъ ихъ, Богъ знаетъ куда. Этотъ сѣверный вѣтеръ дуетъ обыкновенно нѣсколько дней, принося

прохладу; послѣ него начнется уже и жаръ и зной средне-азиатскій. Верблюды пораньше пришли изъ степи; вѣроятно, такая погода дѣйствуетъ имъ на нервы и увеселяетъ ихъ. Они цѣлыми группами принялись какъ то глупо и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно носиться по аулу, между юртъ. Поднявъ свои хвостики кверху и закинувъ высоко свои длинныя шеи, они (штукъ 10) стремительно пошли въ атаку на мою юрту, взбудоражили лошадей, которыя стали биться на коновязи и, признаться, на секунду навели на меня страхъ. Но стоило только крикнуть и вся эта ватага разсыпалась, обскакала юрту и дико понеслась дальше. Киргизы на эту скачку не обращаютъ ровно никакого вниманія.

Луна должна была подняться въ полночь, тогда же рѣшили выступить, но немного проспали. Въ 2 часа ночи я разбудилъ людей; засѣдлали и, простившись съ гостепріимнымъ біемъ, тронулись въ обратный путь.

30-го апрѣля.

Пользуясь луной, быстро прошли степь; когда начало всходить солнце, мы были уже у Дарьи. Красивыми розовыми тонами и темно-фіолетовыми тѣнями освѣщалась мѣстность въ часъ восхода. Я любовался видомъ рѣки, мазаромъ Ай-Ходжи; совсѣмъ не такимъ красивымъ показался онъ мнѣ въ знойный полдень, когда мы шли здѣсь 28-го числа. На самомъ берегу рѣки остановились на $\frac{1}{2}$ часовой приваль. Еще свѣжо, но солнце быстро подымается все выше и выше; стали появляться мошки, надо спѣшить. Воду изъ Дарьи пилъ черезъ походный фильтръ, но желая зачерпнуть футляромъ, выронилъ самый фильтръ и, какъ говоритъ Иванъ, только проторы и убытки потерпѣлъ. Въ рѣкѣ водится много разной рыбы, между прочимъ, и сомы. Здѣсь на берегу переводчикъ предупреждалъ меня близко къ водѣ не подходить, потому что рыба сомъ, бывали случаи, хвостомъ спибала людей съ берега. Я возразилъ, что вѣроятно онъ спуталъ сома съ китомъ, который проглотилъ Ноби-Юнуса, о чемъ упомянуто въ несомнѣнной книгѣ (коранъ). Впрочемъ, переводчикъ остался при своемъ убѣжденіи; осторожно подойдетъ къ водѣ, быстро зачерпнетъ и назадъ.

Стало тепло и путь отъ устья Крукъ-Келеса шли вяло. По дорогѣ убили одну змѣю, и, наконецъ, съ радостью узрѣли зелень нашего Мангута. Иванъ привѣтствовалъ наше возвращеніе и немедленно подалъ мнѣ письмо, которое онъ только-что хотѣлъ отправить съ нарочнымъ. Письмо это гласитъ: «Честь имѣю доложить вашей милости, когда вы изволили стрѣлять, тогда пуля попала въ

корову. Когда вы изволили выѣхать, черезъ пять минутъ приводять ко мнѣ корову, раненую въ челюсть. Вынули изо рта пулю, представили ее мнѣ, я справился, да, дѣйствительно, ранена. Въ настоящее время корова находится при опасности, ничего не ѣсть и не пьеть, и не знаю, что теперь дѣлать безъ вашей милости. Я опасуюсь, киргизы пристають ко мнѣ, я только отвѣчаю «тюры іокъ и скоро пріѣдетъ тюря». Они успокоились. Какое прикажете распоряженіе. Вашъ покорный и вѣрный слуга, Иванъ Мысовъ».

Дѣйствительно, одни проторы и убытки. Сейчасъ же призвалъ хозяина коровы; весь аулъ, конечно, собрался. Рѣшили корову пустить на мясо; мясо, шкура—хозяина и, кромѣ того, я уплачиваю половину стоимости коровы, пришлось 7 руб. Такое рѣшеніе было принято съ удовольствіемъ; «хубъ, яхши» (очень хорошо), слышалось въ толпѣ, киргизъ не въ убыткѣ. Хозяинъ запросилъ за корову 14 руб., а на базарѣ купить такую же за 10 руб. Теперь по всей степи пойдетъ хабаръ (вѣсть), что въ аулѣ есть свѣжее мясо. Усталость дала себя знать и въ 8 часовъ вечера я уже спалъ сномъ праведнымъ.

1-го мая. Ауль Мангутъ.

Мое хозяйство принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Завели своихъ куръ и пѣтуха; Керимъ съ базара привезъ четыре гусенка, вся эта живность увеселяетъ нашу кочевку. Утромъ пришли старшины и выборные, прося сообщить уѣздному начальнику, что у нихъ въ арыкахъ все еще нѣтъ воды, время посѣва джугары почти прошло, а когда будетъ вода—неизвѣстно. Дѣло въ томъ, что главный оросительный арыкъ долины Анхаръ, выходящій выше изъ Келеса, какъ я уже упоминалъ, прорвалъ плотину въ аулѣ Ыръ-Гакты. Я сказалъ, что сегодня же поѣду на мѣсто прорыва, посмотрю въ чемъ дѣло и сдѣлаю что могу. Въ 4 часа я отправился въ Ыръ-Гакты. Человѣкъ сто занятъ работой по сооруженію новой плотины. Тутъ же и *мирабъ-баши*, т. е. туземецъ, завѣдывающій водой въ этой мѣстности, Рабочіе носятъ землю въ полахъ своихъ халатовъ, никакихъ трамбовокъ нѣтъ, а такъ себѣ сыпать, да босыми ногами утаптываютъ. Гвалтъ страшный. Запруда въ Ыръ-Гакты, не допускающая воду выливаться въ близко подходящій по условіямъ мѣстности оврагъ, такъ сказать, подымаетъ ее здѣсь и затѣмъ направляетъ далѣе по долинѣ, гдѣ она и разбирается на орошеніе множествомъ маленькихъ отводныхъ арыковъ. Арыкъ Анхаръ очень важенъ для этой мѣстности. По величинѣ своей, онъ несетъ по туземному сто

«*кулаковъ*» воды, что составляетъ приблизительно 125 куб. футъ въ секунду и представляетъ главную питательную артерію, а между тѣмъ такіа плохенькія сооруженія.

Еще въ мартѣ прибылъ воды въ Келесѣ, а слѣдовательно, и въ Анхарѣ, значительно повредила запруду; кое-какъ поправили, теперь же недѣли двѣ тому назадъ старую запруду смыло окончательно, вода прошла оврагомъ обратно въ Келесѣ и сельскія общества Дженгиль-Тобукъ и Акъ-Ташъ остались безъ капли воды. Теперь спѣшно насыпаютъ новую плотину, насколько она будетъ дѣйствительна, скоро увидимъ. Мирабъ-баши говоритъ, что дней черезъ пять будетъ готова и тогда можно будетъ пустить воду. На время работъ Анхарѣ, конечно, задержанъ выше. Интересна эта туземная иригація! Къ ночи вернулся домой; сообщилъ жителямъ, чтобы еще дней пять подождали со своимъ заявленіемъ, можетъ быть вода пойдетъ. Сѣверный вѣтеръ все усиливается, совсѣмъ свѣжо стало, ночи темныя, хотя небо звѣздное и ясное.

4-го мая.

Ночь спалъ прескверно. Большое-ли количество поглощаемого чаю и сонъ, скорѣе дрема среди дня въ жару, этому причиной. Но нѣтъ, прошедшая ночь была какая-то особенная. Люди тоже не спали. Всю ночь собаки всего аула просто надрывались; перекатный лай стономъ стоялъ въ глубокой темнотѣ. Какая-то птица, будто самъ лѣшій, ухала и рѣзко кричала гдѣ-то въ степи. Бѣгала и мычала скотина, лошади фыркали и часто бились на коновязи. Безпокойная ночь, должно быть ночь джиновъ, злыхъ духовъ, пришедшихъ потревожить мирный сонъ аула. Я видѣлъ какъ заблѣлѣлъ ночной воздухъ, какъ зардѣлась свѣтлая полоса на востокѣ и проснувшіяся птицы подняли свой веселый хлопотливый гвалтъ. Переводчикъ увѣряетъ, что необходимо завести при лошадяхъ черного козла. Мѣра эта оберегаетъ лошадей отъ злаго духа и держитъ ихъ всегда въ хорошемъ тѣлѣ. Купили черного козленка.

Въ 4 часа привезли изъ Ташкента почту. Вотъ уже двѣ недѣли, что я не получалъ никакихъ извѣстій. Понятно, съ какой жадностью набросился я на дорогіе мнѣ письма, журналы, газеты. Между прочимъ, волостной управитель Нуръ-ед-динъ Бекъ написалъ мнѣ письмо по-сартски, въ которомъ извиняется, что до сихъ поръ не явился, ибо задержанъ въ городѣ неполученіемъ утвержденія на должность. Письмо свое онъ озаглавливаетъ словомъ «рафуртъ». Я сначала не могъ догадаться, что сіе означаетъ. Конечно, это рапортъ. Вотъ куда проникла канцелярская цивилизація!

Сегодня чудный закатъ, я долго бродилъ въ полѣ и любовался, какъ гасли постепенно нѣжнѣйшія краски вечерней зари. Вездѣ цвѣтеть серебристая «джидда», родъ дикой маслины. Воздухъ насыщенъ ея сильнѣйшимъ ароматомъ (напоминающимъ запахъ бана-на) и дышишь имъ до одурѣнія. Въ прогулкахъ моихъ меня всегда сопровождаетъ нѣсколько босыхъ, оборванныхъ киргизятъ. Бѣгаютъ себѣ въ припрыжку то впереди, то сзади, всюду шарятъ и напоми-наютъ пущенныхъ на поискъ лягавыхъ собакъ. Ничто не скроется отъ ихъ пронизательнаго, остраго зрѣнія, непременно отыщутъ или ежа, или громадную фалангу и торжественно принесутъ мнѣ. Се-годня на ровномъ и голомъ мѣстѣ отъ насъ удирала маленькая га-дюка. Немедленно въ погоню за ней припустился бутузъ, лѣтъ 12, нагналъ змѣю, быстро нагнулся, схватилъ ее за хвостъ и ловкимъ движеніемъ правой руки встряхнулъ ее на воздухъ. На нѣсколько секундъ змѣя обратилась въ прямую безжизненную палку. Кирги-зенокъ бросилъ ее на землю и босой пяткой раздавилъ ей голову. Впослѣдствіи я не разъ видалъ подобную штуку, но здѣсь, видя это впервые, прямо-таки ахнулъ. Конечно, храбрецъ получилъ награду, что, впрочемъ, послужило поводомъ къ жестокой дракѣ. Другое дѣло поймать большого желтопуза; это будетъ «тамаша» (зрѣлице) для всего аула, такъ называемое, представленіе пьяной змѣи (Джилан-и-мести). Желтопузь, иначе называемый степнымъ удавомъ, пред-ставляетъ изъ себя большую (до двухъ аршинъ), толстую змѣю. Кажется, принадлежитъ къ породѣ ужей, но киргизы утверждаютъ, что онъ ядовитъ. Поймаютъ мальчишки такого желтопуза, захватятъ его въ расщепленные палки и притащутъ въ аулъ. Вся киргизня, старъ и младъ, соберется на тамашу. Съ помощью палочки, змѣя насо-вываютъ въ ротъ нюхательнаго табаку, отчего она быстро пьянѣетъ, затѣмъ пускаютъ ее на свободу. Змѣя начинаетъ какъ-то глупо пол-зать, переваливается, закатываетъ глаза и, наконецъ, засыпаетъ. Черезъ нѣсколько минутъ наступаетъ главный моментъ зрѣлица— пробужденіе змѣи. Сначала зашевелится хвостъ, нѣсколько разъ судорожно свернется и быстро выпрямится тѣло, откроются глаза и понемногу приходящее въ себя животное снова начинаетъ свои пьяныя движенія. Хохоть, гоготаніе и общій восторгъ восхищен-ныхъ зрителей! Въ концѣ концовъ вполне оправившуюся змѣю, ко-нечно, убиваютъ.

Однако, пора домой, уже блестятъ фонари моей резиденціи. Завтра съ ранняго утра отправлюсь въ Акъ-Тюбинское общество; надо осмотрѣть четыре кишлака: Янгисъ-Талъ, Таулыкъ, Кара-Сынъ-

гырь и Акъ-Тюбе. Ночь свѣжая и до неприятности силенъ запахъ джидды.

6-го мая.

Всталъ въ 4 часа утра. Просто холодъ на дворѣ, всего $4\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Но нельзя утѣшать себя, что день будетъ прохладный, въ этихъ широтахъ чѣмъ холоднѣе ночь, тѣмъ жарче будетъ день. Хорошая рюмка водки и стаканъ горячаго чаю быстро возобновили циркуляцію застывшей крови. Лошади готовы, въ сѣдло и хайда черезъ степь въ ауль Янгисъ-Таль (*янгисъ*, по османскому выговору *ялынызъ*—одинъ, таль—ива). Восходъ солнца встрѣтилъ въ степи. Приближаясь къ Янгисъ-Талу я обратилъ вниманіе на большія пространства занятыя *ляльми* (ляльми или *богара*—поля, засѣваемые подъ дождь, безъ искусственнаго орошенія). Когда смотришь издалека на степь, то первымъ представленіемъ является мысль: ну, ужъ тутъ ничего не можетъ расти. А между тѣмъ, плодороднѣйшая лёсовая почва, при самомъ незначительномъ количествѣ дожда, родить хлѣбъ и жители сѣютъ ляльми, впрочемъ, всегда съ рискомъ отъ засухи. Издалека видна зелень деревьевъ—значить кышлакъ. Доѣхали до арыка Босу: это скорѣе большая рѣчка, несетъ массу воды. Отъ Босу отдѣляется арыкъ Акъ-тепе. По нему и лежать кышлаки, которые я долженъ сегодня осмотрѣть. Первымъ является Янгисъ-Таль. Нѣсколько глиняныхъ мазанокъ, прикрытыхъ купой деревьевъ; на плоскихъ крышахъ уже наваленъ собранный клеверъ и непременно, гдѣ-нибудь торчитъ красноногій аистъ, такъ звучно стучащій своимъ длиннымъ клювомъ. Арыкъ полонъ воды. По его лѣвую сторону, вплоть до кышлака Таулыкъ, видны посѣвы риса. Это цѣлыя болота, разбитыя земляными валиками на правильные квадраты, въ которыхъ верхка на три просто стоитъ вода; среди этой топи и слякоти, тамъ и сямъ, бултыхаясь и увязая, пары воловъ, запряженныхъ въ ярмо—съ трудомъ вытягиваютъ грубый деревянный плугъ. Самъ пахарь, почти въ костюмѣ Адама, бродитъ тутъ же. Это пашня приготовляемая подъ рисъ. Рисъ посѣвается мѣсяца черезъ четыре, изъ которыхъ три съ половиною мѣсяца находится въ постоянной проточной водѣ. На десятину сѣютъ около семи пудовъ; средній урожай самъ 10—12. На этихъ рисовыхъ болотахъ раздолье аистамъ, цаплямъ, бекасамъ и уткамъ. По правую сторону арыка, на поднимающейся легкимъ уступомъ степи, всюду видны ляльми (пшеница). Янгисъ-Таль населенъ киргизами, рода Уймауть (каракалпаки), всего 11 домовладѣльцевъ (это владѣльцевъ этихъ то мазанокъ) и платитъ земельной подати 60 рублей.

Кишлакъ Таулыкъ. Подъѣзжая къ этому селенію я обратилъ вниманіе на какъ бы другой типъ лица жителей. Дѣйствительно, хотя кишлакъ Таулыкъ принадлежитъ къ Акъ-Тюбинскому киргизскому сельскому обществу, но населенъ туркменами изъ Дизаха, изъ мѣстности Сафаратъ. Лѣтъ 40 тому назадъ они пришли сюда, землю имъ далъ Кокандскій ханъ и они стали платить хераджъ — $\frac{1}{5}$ урожая.

Далѣе я посѣтилъ кишлаки Кара-Сингиръ и Акъ-тюбе. Въ этихъ мѣстахъ и до самой Дарьи, гораздо болѣе древесной растительности, чѣмъ гдѣ-либо на моемъ участкѣ и по долинѣ Су-Келеса. Отъ Кара-Сингира ѣдешь почти аллеей. Берега арыковъ засажены таломъ (родъ нашей ивы). Дерево это страшно сорное, съ него летитъ теперь какой то пухъ и цѣлыми слоями лежитъ кругомъ, будто гигантская старая паутина. Сакли Кара-Сингира пріютились глинянымъ гнѣздомъ на самомъ припекѣ около болота поросшаго камышемъ; сады идутъ далѣе. Кишлакъ же Ак-Тюбе, напротивъ, весь въ зелени, доходитъ до самой Дарьи и уголками своими напомнилъ мнѣ Малороссію. Жару переждалъ здѣсь въ славномъ тѣнистомъ саду. Несмотря на такую богатую растительность жители жалуются на малый урожай, объясняя это обстоятельство болотистостью почвы и страшнымъ вредомъ наносимымъ множествомъ разныхъ птицъ: *чимчикъ*, *тургай* (воробей) и проч.

Въ обратный путь шли прямо степью, что значительно сокращаетъ дорогу. Версты на 4, справа и слѣва тянулись ляльми. Вернулись домой въ Мангутъ въ 6 часовъ вечера.

7-го мая.

Нашелъ себѣ новое занятіе, на которомъ сосредоточено теперь все мое вниманіе. Около аула Найманъ, версты три отъ меня, среди ровной мѣстности возвышается далеко видный курганъ Кара-тепѣ. По вѣшнему виду курганъ является сооруженіемъ искусственнымъ, а преданія, сообщенныя мѣстными жителями, относятъ насыпку его къ калмыкамъ. Калмыки были здѣсь приблизительно въ серединѣ XVII столѣтія. Страсть къ археологическимъ изысканіямъ проснулась во мнѣ съ необычайной силой. Вчера издалека обратилъ я вниманіе на этотъ курганъ; сегодня приступилъ къ раскопкамъ. Отъ 4-хъ часовъ вечера и до 6-ти, четверо рабочихъ съ кетменами копаютъ землю. Началъ раскопку сразу въ двухъ мѣстахъ, съ южной и восточной сторонъ. Копающая на верху группа людей, высоко подымающаяся отъ сухой земли пыль, привлекли на насъ вниманіе всѣхъ окрестныхъ киргизовъ, падкихъ до всякихъ зрѣлищъ. Съ

кургана видно, какъ со всѣхъ сторонъ, прямо по пашнямъ и по тропинкамъ спѣшать любопытные на тамашу. Набралось чело-вѣкъ 25. Переводчикъ немедленно утилизировалъ этихъ зѣвакъ. «Ты на тамашу пришелъ, бери-ка кетмень, да копай». Благодаря такой импровизированной помощи, работа шла быстро. Но курганъ упорно скрываетъ отъ меня свои археологическія сокровища; выкопали два человѣческихъ черепа да массу битыхъ глиняныхъ горшковъ.

8-го мая.

День теплый и душный. Къ вечеру поднялся вѣтеръ, небо стало заволакиваться тучами и я съ радостью ожидалъ грозы. Но вѣтеръ угналъ тучи, не выпало ни одной капли. Съ 24-го апрѣля не было дождя. Каждый день глубокое, прозрачное темно-голубое небо, прелестный закатъ и чудныя звѣзды ночью. Большая Медвѣдица стоитъ прямо надъ головой и далеко уходитъ родная полярная звѣзда. Раскопки продолжаются безуспѣшно, любителей тамашы почти никого.

У Ивана оказались засаленныя карты и киргизы, которые постоянно толкуются около нашихъ юртъ, выучились играть въ карты. Уже нѣсколько дней, какъ съ утра, гдѣ-нибудь подъ тѣнью урюка, киргизня дуется въ дураки, веселыя восклицанія и хохотъ долетаютъ до меня. Азарта еще никакого нѣтъ, ограничивается проигрышъ тѣмъ, что оставшемуся въ дуракахъ вся группа показываетъ носы и гогочетъ. Очень радъ, что они стали лихо обыгрывать самаго ихъ учителя—Ивана. Наблюдаю все это издалека; при моемъ приближеніи, конечно, всѣ встаютъ, складывая руки на животъ. Преуморительный этотъ обычай привѣтствія высшаго. Полицейскіе (курбаши) на улицахъ Ташкента дѣлаютъ то же самое; можно подумать, иногда, что жестокая спазма схватила животикъ почтеннаго блюстителя порядка. Это, такъ называемый, «куллукъ».

9-го мая.

Весь день и вечеръ писалъ письма; Иванъ завтра ѣдетъ въ Ташкентъ и отвезетъ всю эту корреспонденцію.

Раскопки идутъ безуспѣшно, хотя ямища вырыта порядочная. По вечерамъ становится просто невозможно заниматься при огнѣ. Массы разныхъ мошекъ, букашекъ, бабочекъ и кузнечиковъ стремятся на огонь, лѣзутъ въ глаза, въ ноздри, проникаютъ всюду, мѣшаютъ писать. Пламя свѣчей недостаточно уничтожаетъ ихъ и вотъ съ яростью самъ принимаешься линейкой, перомъ, чѣмъ попало избивать эти насѣдающія полчища насѣкомыхъ. Одно спасеніе отъ

нихъ—вѣтерокъ и полная темнота. Къ счастью, не появлялось еще ни одного комара, ни ядовитыхъ ташкентскихъ мошекъ.

10-го мая.

День жаркій, на солнцѣ въ полдень 40°. Уже нѣсколько дней, что молодая пара ласточекъ вьетъ гнѣздо вверху моей юрты. Лежа на постели, я наблюдаю ихъ неутомимую работу. Прелестныя, но не опытныя еще птички; онѣ не знаютъ о непостоянствѣ жилища сего. Онѣ не знаютъ также, что я не знаменитый арабскій завоеватель Египта, Амръ ибнъ ал-Ась, въ шатрѣ котораго горлицы свили свое гнѣздо. Надо было выступать къ Александріи, снимать лагерь, и воины обратились къ Амру не прикажетъ ли онъ разрушить гнѣздо. «Избави Богъ», воскликнулъ Амръ, «чтобы мусульманинъ отказалъ въ покровительствѣ какому бы то не было живому существу, творенію Всевышняго, такъ довѣрчиво прибѣгнушему къ покрову его гостепріимства! Птицы эти мои гости и пусть шатерь мой останется неприкосновеннымъ до моего возвращенія!» Александрія была взята, на мѣстѣ бывшаго лагеря Амръ построилъ городъ, названный имъ Фостатъ, что значитъ шатерь—нынѣ старый Каиръ. Такъ рассказываетъ, по крайней мѣрѣ, Макризи.

Вчера, вечеромъ, показался тоненькій серпикъ новой луны и у мусульманъ моихъ начался постъ «ураза» (по арабски—сыямъ), по случаю наступленія мѣсяца Рамазана. Это священный мѣсяць. Въ 27-ю ночь этого мѣсяца, въ ночь, когда настаетъ на землѣ миръ и священная тишина царить во всей природѣ, въ «ночь опредѣленія» (лейлат-уль-кадръ), тогда пророкъ (да будетъ надъ нимъ миръ) получилъ первое откровеніе отъ Аллаха. Первая страница корана, съ горящими небеснымъ пламенемъ буквами, спустилась на землю. «Мы ниспослали его (коранъ) въ ночь опредѣлений. О если бы кто вразумилъ тебя, что такое ночь опредѣлений! Ночь опредѣлений лучше тысячи мѣсяцевъ. Во время ея, ангелы и духъ, по изволенію Господа ихъ, нисходятъ со всѣми повелѣніями Его. Она благословеніе до самаго появленія зари». Такъ поэтично говоритъ 97-я сура «Несомнѣнной Книги». Прелестна эта сура въ арабскомъ подлинникѣ, я даже наизусть выучилъ ее. И вотъ въ воспоминаніе такого поэтичнаго событія, случившагося въ 609 году по Рож. Хр., и установленъ Пророкомъ мѣсячный постъ. Отъ наступленія утра, т. е. отъ того времени, когда можно различить бѣлую нитку отъ черной, и до заката солнца, правовѣрный не долженъ ничего вкушать, ни пить, ни курить, ни прикасаться къ женщинамъ. Очень тяжелое по-

ложеніе, въ особенности работника. Киргизы почти не исполняютъ предписанія корана, развѣ только почтенные старцы да какіе-нибудь ханжи.

Въ коранѣ сказано (11-я сура): «Вѣрующіе, вамъ предписанъ постъ, какъ онъ былъ предписанъ тѣмъ, которые были прежде васъ. Въ опредѣленные числомъ дни. Но кто изъ васъ будетъ боленъ или въ путешествіи, тому поститься такое же число дней въ другое время» и т. д. Во время ночи допускается все (здѣсь я не буду приводить стиховъ «Несомнѣнной Книги» по ихъ игривости).

Вчера переводчикъ отказался отъ рюмки водки по случаю поста. Постъ Рамазанъ кончится 6-го іюня праздникомъ Айд-уль-фитръ, или Малый Байрамъ.

11-го мая.

Сегодня утромъ переводчикъ заявилъ, что ни онъ, ни джигитъ поститься не будутъ, на основаніи корана. Они молъ путешественники (мусафиры). Сейчасъ же нашли выходъ изъ непріятнаго положенія. Я съ кораномъ въ рукахъ пояснилъ имъ, что совершенно отъ поста они не избавлены, придется поститься потомъ; но что теперь они дѣйствительно мусафиры и если хотятъ отложить постъ, то по книгѣ «Фурканъ» — «различитель добра отъ зла» (тотъ же коранъ) они имѣютъ на то полное право. Рѣшили постъ отложить.

Я бы могъ здѣсь, среди киргизъ, быть настоящимъ муллою; по крайней мѣрѣ, слава обо мнѣ, какъ о знатокѣ писанія, распространяется по всѣмъ ауламъ и, пожалуй, скоро обратятся по бракоразводнымъ дѣламъ сами киргизки. Иванъ мой держится другаго направленія, онъ желаетъ окрестить всю эту нехристь въ православную вѣру и иногда почитываетъ Св. Писаніе переводчику. Джигитъ Керимъ чтенія не понимаетъ, но слушаетъ, и иногда тяжело вздыхаетъ; это вѣроятно подбодряетъ Ивана-миссіонера и онъ валяетъ себѣ по славянски изъ «Дѣяній Апостольскихъ». Приѣхалъ волостной управитель. Такъ и разсыпается въ любезностяхъ: и садъ вашъ и урюкъ вашъ, и юрты ваши, и проч. и проч. Я уже думалъ, что онъ и женъ своихъ предложить въ припадкѣ услужливости; тѣмъ болѣе, что онъ долженъ завтра же ѣхать на работы въ Зенги-Ата, 17-го мая генераль-губернаторъ ѣдетъ въ Самаркандъ и, собранное со всѣхъ смежныхъ съ дорогой волостей, населеніе чинить и устраиваетъ путь.

Мои раскопки продолжаютъ. Вырылъ глиняный кувшинчикъ, очевидно не киргизскаго производства и какой то камушекъ съ просверленной дыркой, — больше ничего. За то потревожилъ сонъ мно-

гихъ калмыцкихъ череповъ. Не стоило того, и раскопки прекращаются, тѣмъ болѣе, что къ 20-му мнѣ нужно быть въ Ташкентѣ.

17-го мая. Мангутъ.

Сегодня рано утромъ отправилъ Ивана и переводчика съ арбой въ Ташкентъ. Самъ выѣду завтра, чуть свѣтъ, прямымъ путемъ на Зенги-Ата. Отбывъ въ Ташкентѣ разныя комисіи, вѣроятно переселюсь для дальнѣйшихъ работъ въ Чинарь.

Прощай же маленькій, почти цѣлый мѣсяцъ служившій мнѣ приютомъ, Мангутъ. Прощайте и вы, симпатичные, косоглазые спутники моихъ поѣздокъ по степи. Я глубоко убѣжденъ, что никогда больше мнѣ не придется попасть въ вашу, гдѣ то далеко заброшенный, никому не извѣстный, ауль. Маленькая страничка изъ книги жизни прочитана, надо перелистывать дальше, что и дѣлаешь постоянно, не скрывая при этомъ невольнаго чувства грусти, вдругъ начинающаго шевелиться гдѣ то тамъ, въ глубинѣ души!

М. Шлиттеръ.

